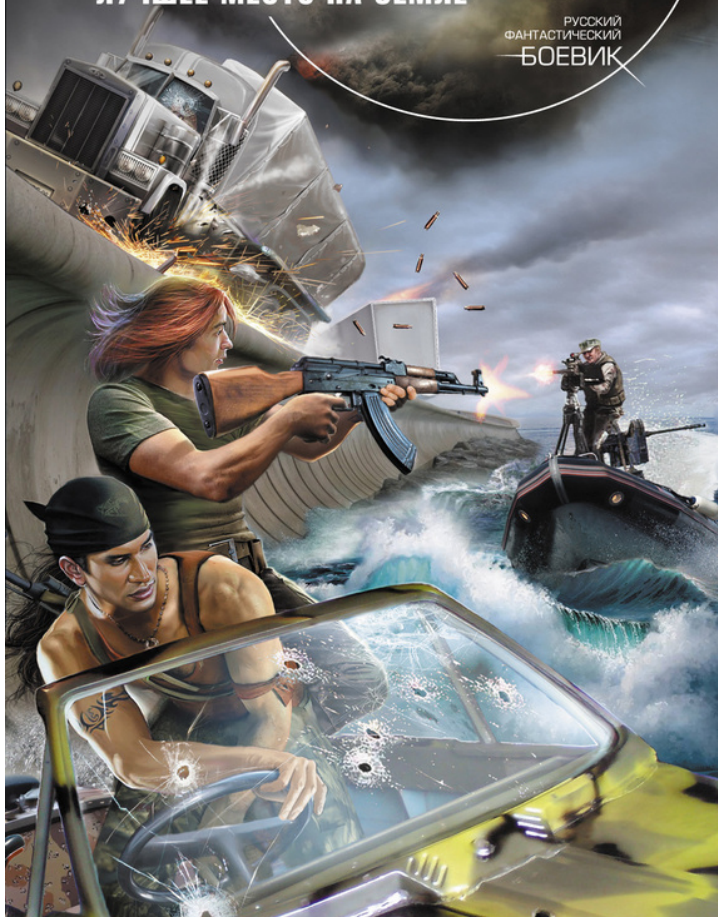

Иар Эльтеррус Екатерина Белецкая

ЛУЧШЕЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Екатерина Белецкая
Иар Эльтеррус
Лучшее место на Земле
Серия «Факторы», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3023545
Лучшее место на Земле: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-54607-7

Аннотация

Никто не застрахован от ошибок, и мобильные агенты Официальной службы не исключение. Но цена некоторых ошибок зачастую выше, чем можно себе представить. В результате ссоры, произошедшей между Итом и Скрипачом после распада семьи, оба официала оказываются в мире Терры-ноль. В мире, который не может существовать даже теоретически. В мире, вобравшем в себя несколько кластеров Глобальной Сети. В мире, где умирает Контроль... Ситуация на планете катастрофическая – сам факт существования Терры-ноль грозит большими проблемами всей обитаемой вселенной. Вот только уходить из этого мира не хочется. Потому что для одних он – место для смерти, а для других – лучшее место на земле...

Содержание

ОТ АВТОРОВ	4
Часть первая	6
01	6
02	47
03	54
04	87
Часть вторая	124
05	124
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая Лучшее место на Земле

*Посвящается всем,
кто дружит с головой.*

ОТ АВТОРОВ

Этот роман – пожалуй, один из самых необычных, созданных нами. Его действие происходит в ставшей привычной всем реальности Контролей, его главные герои уже знакомы вам по циклу «Время черных звезд» (роман, собственно, является одним из продолжений цикла), но при этом существенно отличается от всего, что мы делали раньше. Чем? Увидите.

Мы очень надеемся, что эта книга сумеет помочь кому-то понять себя, понять окружающий мир, людей, которые рядом. Возможно, кого-то из вас она сделает чище и добрее или объяснит что-то важное. А кому-то поможет найти свое Лучшее Место на земле. Потому что очень часто бывает, что оно – совсем рядом.

Стоит только сделать шаг.

Спи.

Поверь, оно не стоит

Этих нервов.

Все пустое.

Спи.

На продавленной кровати.

Только что курили, хватит,

Спи, а я окно открою.

Пусть горячий южный ветер

Перебудит всех на свете,

Пусть заплаканные дети

Обзовутся матерей.

Спи, пожалуйста, скорей.

Спи.

Во сне не будет боли.

Море пахнет сладкой солью,

И погашены огни.

Спи.

И Бог тебя храни.

01.08.10

Ket263

Часть первая

Интродукция

01

Домодедово – Москва
Кома

...то что потому что, что потому ч...

...тут что-то... то... чт... т...

...тут я что я, я что я потому что...

У темно-фиолетовой воды не бывает ответов, и придется вспоминать как-то еще, потому что темная вода укрывает тебя и не выбраться из подводных трав, не выбраться уже никогда, и ты это знаешь.

Кажется, сначала вода была красной, или пурпурной, или багровой, или коричневой и пахла солью, а потом стала такой, как сейчас, и не меняется.

Уже давно.

Уже очень давно.

Слишком давно.

* * *

А смысл в этом хоть какой-то есть?

– ...так кто-нибудь хоть время-то записал?

– Да хрен его знает, какое время. Записали с трех до шести вроде.

– Так Петруха там вроде в семь шел...

– ...ну и писала бы семь, чего тогда шесть?

– Да хрен разница, гость же... все равно помрет. Гости всегда умирают...

– Гость или не гость, а отчетность должна быть. Давай, Сонь, переправь на семь в карте... Куда пишешь, дура, это ж второй лист, а надо в первый! Второй – это дежурный заполнял!..

– Так там же шесть...

– Шесть – это когда обратно перевели, в палату, из операционной...

– А...

– Не акай, пиши нормально, где положено!

* * *

Гости всегда умирают, это аксиома, которую нужно знать. Значит, гости всегда умирают. Я гость, и, следовательно,

я умру.

Элементарный вывод...

* * *

Фиолетовая вода всколыхивается редко, и чем дальше, тем более странно проявляют себя ее движения и ритм. Сейчас...

...я тут я...

...я потому что я тут потому что у...

...я тут потому что...

Что.

* * *

— ...чтоб его колоть всем подряд! Дорого, кто ж нам даст-то...

— А зонд?

— Какой, к шуту, зонд? Сходи на кухню, там овсянка одна на соевом молоке. И чего я буду хреначить это дело через зонд? От ты дура... Пиши давай — питание не вводили из-за клонического спазма. Написала?

— Теть Варь, тут вся карта за полтора месяца «из-за клонического спазма»...

— А тебе велика печаль?

– Ну так помрет же... жалко...

– Жалко, девочка моя, у пчелки в жопке. А гости, они все все равно того... и вообще, чем жалость разводить, присмотрела бы себе лучше парня. Девятнадцать лет, а все в целках.

– Да ну их. В городе найду.

– Еще скажи, шофера. – Смех, издевательский и глумливый. – Нужна ты там в городе, прям заждались...

– Теть Варь, может, правда овсянку эту... пятый месяц же пошел, я по картам посмотрела, все другие за неделю убирались. А этот нет...

– Вот заладила, паршивка! Чего тут пятый месяц? Кома? Или летаргия какая? Все одно помрет. Отвяжись! И нечего губы дуть, нашлась Святая Мария, распустила нюни...

* * *

Что.

Что-то...

...то что, что, потому что, я потому что...

...потому что я, тут я, тут потому что...

...я потому что ум...

Видимо, полная остановка времени – темно-фиолетовый цвет очень способствует таким вещам.

Гости вязнут в темно-фиолетовом времени, и поэтому они...

– Москва? Алло, Москва? Девушка!.. Девушка, да, это Москва? Алло! Алло! Соедините с институтом изучения биологии ВФЖ... Нет, не ФБЖ, а ВФЖ... Добавочный сорок три... Сорок три, говорю! Алло! Алло! Федор Васильич, это Конаш, Александр Конаш, да... отдел комиссий... Федор Васильич, я из Домодедова звоню, из районной больницы, которая у точки номер тысяча восемнадцать, да... Спасибо, да, и вас так же... Спасибо... Говорю, с комиссией приехал, а у них гость живой! Алло! Да, гость, говорю, живой! Срок? Почти восемь месяцев... Так я про что!.. Да, живой... а, нет... в коме... но удивительно, что живой, да... Так они не доложили, стервозины, я уже наорал, а толку-то... везти? Нет, Федор Васильич, не получится... не транспортабельный, нет... говорю же, кома, восемь месяцев... Степень? Вторая или третья... ну, глубокая, если по Шахновичу, да... Так они его не кормили, ворье проклятое... почти совсем, не знаю я... да понятно, что рапорт, а толку что с того... Остаться? Федор Васильич, никак не могу, дочка у меня на этой неделе рождает, да... мальчика? Хотелось бы, а то бабья в семье... да, да.... Ага... хорошо... меры я приму, и чтобы приготовили к дороге, да? Ой, боюсь, не получится, хоть и готовь... Нет, энцефалограф сломан у них, нету... а чем я проверю?.. Самостоятельное, да... остальное все совсем ни

к черту... ну да, считай, угробили... если бы сразу... хорошо, я тогда... да, я оставлю распоряжения, и через неделю попробуем перевезти... смотрел, смотрел, это не карта, а паноптикум, да... не знаю, кости одни и пролежни... нет... да нет, нет, в том-то и дело... Хорошо, Федор Васильич, понял, сделаю...

Звяканье, и голос мгновенно из услужливого становится командным:

– Ну, суки, все. Если помрет, с вас три шкуры спустят, будете на ферме кроликов до скончания дней драть!

– Александр Евгеньич, ну это...

– До «нуэткалась», рыба моя. Значит, так. Четыре раза в сутки кормить, по пятьдесят миллилитров первые три дня, дальше чуть поднять. Молоко с желтком и сахаром, через зонд. Капать три раза в сутки и не врать мне, что в больнице нет раствора Рингера-Локка и что вы не пускали его налево военной части! Карту вести нормально. Через неделю заберут. И если вы за неделю не подготовите так, чтобы перенес дорогу, я тебя утоплю, суку, в ближайшем канале, ясно? Поняла?

– Александр Евгеньич...

– Я тебя спрашиваю, поняла?!

– Поняла.

– Вот и славно. А теперь пошла вон.

* * *

...что-то, что...

...потому что важное потому что...

...я что-то, потому я что... я...

Зачем фиолетовая вода сейчас пахнет тиной, тленом и солнцем? И откуда в моей тишине этот противный постукивающий ритм?.. механический постукивающий ритм, и запах — тлена и солнца?

* * *

— ...а глаза почему открыты тогда?

— Бывает. Видишь, зрачки здоровенные? Это называется — мидриаз. Мозг, значит, поврежден. И глаза тоже.

— Интересно как...

Да, действительно, это интересно.

* * *

Прохлада, полумрак, ленивое движение воздуха.

— ...положительно, то есть активность мозга присутствует, хоть и весьма снижена. Это хорошо, шансы есть. Все остальное...

– ...удивительно, что при таком истощении... там, конечно, врут, что с самого начала так и было, но что-то я не верю, чтобы парень двадцати пяти лет максимум весил в нормальном состоянии двадцать восемь килограммов.

– Это верно. Пока что общая терапия, надо полечить то, что досталось в наследство от Домодедова. Через пару недель, если будет положительная динамика, иссекайте пролежни. Кто-нибудь пишет?

– Да, Федор Васильич. – Голос ломкий, молодой. Подросток?..

– Кормить шесть раз в сутки. Через несколько дней, как станет получше, проверьте рефлексy. Если сможет глотать, будет очень хорошо. Два раза в сутки – кислородную палатку. Если опять же будет динамика, через месяц после устранения проблемы с пролежнями – массаж. Ну и по состоянию, конечно же. С завтрашнего дня начинайте курс антибиотиков и все, что надо сопутствующее, – витамины, глюкоза. Можно попробовать мышечные релаксанты, но только с контролем дыхания. Скорее всего не понадобятся.

– Хорошо, Федор Васильич.

– Через полтора месяца приеду из Франции с конференции – все проверю. Смотрите, мои хорошие, не подведите. Этого надо вытащить. Это шанс – и для науки, и для нас всех. Первый живой гость в мире, ребятки, это прорыв, и прорыв серьезный. Я на вас надеюсь.

– Федор Васильич, а можно вопрос?

– Конечно, спрашивай.

– Исследования проводить можно?

– Умница. Не можно, а нужно. Обязательно. Только с забором венозной крови не усердствуй.

Чей-то смех.

– Я совсем не это имел в виду...

* * *

Темно-фиолетовую воду зачем-то разбавили чем-то серым. Наверное, тоской. Муть. Потрескивание и пощелкивание. Но все-таки в большей степени...

Нет.

Тишина.

Вакуум.

...я кто...

...потому что я кто...

...кто-то потому что потому...

...я...

* * *

– Удивительно, что удалось... нет, мне кажется, что сам справился. Организм молодой, сильный, вот и вытянул... Ездил я туда, с Сашкой Конашем, посмотрел. Коровы тупые.

Стоят, глазами хлопают и постоянно врут. Через слово! Записал на диктофон...

– Переломов, кстати, было ничуть не меньше, чем у других гостей. Я поднял статистику за последние полгода. Все восемнадцать случаев по России за это время. Нет, ничуть не меньше. В карте не все, только то, что они пытались делать. Обе ноги, правая рука – предплечье, левая – запястье, правая ключица, три ребра справа, пневмоторакс. Самое плохое, конечно, голова...

– Если бы нейрохирург был, то, возможно...

– Откуда в Домодедове нейрохирург, да еще в этой жопе?

– Не ругайтесь, сударь мой. Не годится так...

– Судя по карте, они все-таки взяли его на стол. Сделали, что сумели, удалили участок кишечника, что-то там еще было... ну переломы выправили и зафиксировали. А рану на голове просто зашили. Подняли крючком костный осколок на место и зашили. Представляете? Можно только догадываться, что там было, под этим осколком. Скорее всего обширная гематома, поврежденные оболочки, отек...

– Домодедову я, понятное дело, напинал, а толку-то с этого? Конаш им тоже напинал. Только эти пинки – дело бесполезное, после того, что уже наворочено. В карте, опять же, например, про тазовые кости ничего нет, а на рентгене – три трещины...

– ...с одной стороны да. Но по факту – это все зажило. Криво-косо, но зажило. Может, и хорошо, что они мало сде-

лали. А то от таких «специалистов» чаще всего одни неприятности.

– Местный хирург сказал, что анатомия «частично не человеческая». Что-то он там углядел, что его напугало. А что – объяснить не может, троечник. Заштопал, откуда лило, и на фиг с пляжа...

– Ой, я бы вечером купнуться съездил. – Сладкий зевок, хруст разминаемых пальцев. – Жарища такая...

– А в столовой сегодня щи давали, ходил уже? Тетя Сима так варит, что тарелку съешь и ложкой закусишь. Мать и то так не варит...

– Схожу сейчас. Назначения только оставляю...

* * *

Осторожно, вы же меня разбудите. Не хочу. В привычный темно-фиолетовый фон вливается откуда-то резкая, острая, раздражающая струя, блестяще-синяя, пахнущая почему-то эфиром или...

Нет, не эфир.

Что-то еще.

Это называется... называется... я вспомню, я должен вспомнить, вспомнить, помнить, нить... нить...

...кому...

...потому что я что кто-то...

...кто-то ска...

...потому что я... не я....

* * *

– ...через три недели после удаления пролежней... За полтора месяца прибавил почти семь килограммов, думаем, что теперь будет прибавлять быстрее. Сейчас уже точно вторая степень. Если продолжать терапию, через какое-то время, надеюсь, сумеем вывести. Мидриаза больше нет, теперь все по классике – миоз, восстановились корниальные и глоточные рефлексy, на энцефалограмме тоже изменения. Начал двигаться, раньше вообще ничего не было.

– Какой диагноз поставили по ЧМТ?

– Диагноз ясен – диффузное аксональное повреждение мозга. Но при явной положительной динамике, а также при общем улучшении можно сказать, что в вегетативное состояние он не перейдет.

– Замечательно. Вы молодцы. Ребятки мои, давайте только не будем торопиться. Главная задача – помочь организму справиться самостоятельно. Не подталкивать его к этому, а создать условия, чтобы боролся сам. Прогнозы пока делать рано, но...

– ...все-таки сильно ослаблен. Попробуем ванны, пока что два раза в неделю. Я бы еще назначил...

* * *

Какое-то движение... фиолетово-серое – уже привычно, но вот движение, одновременно, сразу, теплое, монолитное, сдавливающее, и еще запах... йод?..

...кто-то...

...нет...

...потому что я...

...что я потому что, что, что, что, что, что-о-о-о...

...что я не помню/помню...

...что сказал, что... кто...

* * *

– Сопор. Восстановилась болевая чувствительность, зрачки адекватно реагируют на свет. Это уже не кома, по сути дела – глубокий сон.

– Какой общий срок?

– С момента... ммм... появления – год и два месяца.

– Порядочно, да...

– ...круглосуточный пост. Обязательно! Если придет в себя, сидируйте, возможен шок. Сразу же вызывайте меня. Никаких попыток поговорить ни в коем случае не делать, да он и не сумеет, думаю – откуда ему наш язык знать? Скорее

всего будет еще и посттравматическая амнезия, поэтому...

— ...нет, для доклада еще явно не время, что вы. Статью я пишу, но закончу только по общему результату. Очень интересный получается материал, на Госпремию вполне тянет...

— ...а как вы его называете, кстати?

— Что?.. Да никак. Гость и гость, как еще называть.

— А номер в реестре?

— Ой, там, кажется, тридцатая тысяча, а по России он был на тот момент шесть тысяч чего-то там, уже не помню... и все-таки исходные условия были у него начально другие, видимо, потому он и выжил. До него во всех случаях при появлении у объектов фиксировалась крайняя степень дистрофии, а при вскрытии — поражение продолговатого мозга, гипоталамуса и гипофиза. Они умирали не только от повреждений, еще и из-за того, что в организме за считанные дни наступала полная дисфункция всех процессов. А здесь, несмотря на очень серьезную ЧМТ и сочетанную травму, эти отделы мозга затронуты не были. И организм очень сильный, видимо. Один факт, что он восемь месяцев продержался в Домодедовской больнице и при этом мало что не умер от истощения, но еще и дышал самостоятельно, говорит о многом.

— Домодедово я готов сравнить с землей или всем составом утопить, где получится. На всю больницу оказалась одна толковая девчонка... да, конечно, перевел в Москву, теперь у нас работает. Вроде бы замуж собирается... Остальные — уроды, пробы негде ставить. Я предлагаю сформировать гос-

комиссию и сделать большой рейд по больницам, расположенным рядом с площадками прибытия. Этого мы, считай, обнаружили случайно и едва не потеряли. А вдруг были другие похожие случаи? И мы о них даже не знаем! Конечно, они обязаны докладывать, но вы же знаете этот подход – все спустя рукава, все через одно место, все кое-как. Инструкции нарушаются практически везде. Был же циркуляр – при появлении очередного гостя обязательно известить институт изучения биологии внеземных форм жизни! Сразу же, в течение суток! А что на практике? То телефон не работает, то главврач в запое, то...

– Больная тема, совершенно согласен. Крайняя безответственность. Появляется, допустим, гость. И что? Если есть хирург, берут на стол. Штопают те повреждения, что покрупнее, и отправляют в палату. А через неделю, самое большое, волокут на кладбище, зачастую даже без вскрытия. И хорошо, если хоть табличку с номером ставят! Был в одном регионе, так там вообще за год то ли пятерых, то ли шестерых гостей закопали в одну яму и даже номеров не присвоили. Я тогда сам эксгумировал, вскрывал... да, то же самое, что и в других случаях, – почти полное отсутствие разложения, но тела сильно повреждены посмертно. Оказывается, через эту яму какой-то умник проехал на гусеничном тракторе. Представляете?

– Ох, не напоминайте, коллега... Вы знаете, тут, кстати, на днях был интересный момент.

– И какой же?

– Сестра, которая дежурила, даже вызвала меня. Это удивительно, но... я готов поклясться, что он плакал. Беззвучно, конечно, но какие-то мелкие моменты – мимика и еще что-то... неуловимое... Сестра сказала, что сама чуть не разревелась, но не смогла понять почему. Вроде бы ей ни с того ни с сего стало очень грустно. Прямо до боли грустно. Девушка она эмоциональная, в кино, когда герои целуются, особенно перед расставанием, по ее словам, так же хлопает. И тут с ней было то же самое.

– Как в кино?... Интересно. Не фотографировали?

– Не успели. Пока ходили за аппаратом, уже все кончилось.

– Все время хочу спросить и все время забываю. Почему не постригли?

– А вот это, коллега, еще более удивительно. Хотели. Неоднократно хотели. Меня, признаться, самого несколько смущает эта грива до середины спины, не меньше. Но... нет. Право слово, мистика, иначе не назовешь.

– Так в чем же дело?

– Дело в том, что при попытке постричь он давал нам тахикардию и резкое понижение давления. Каждый раз. Поэтому мыли, расчесывали, но стричь так и не решились.

– Действительно, мистика. Абсолютно необъяснимо... может быть, рефлекторное?

– Знаете, даже самые простые и обычные люди в коме ино-

гда проявляют какие-то странные реакции. Что же говорить про этот случай, который от стандарта явно отличается? Не может не отличаться. Но при этом, согласитесь, за полгода вывести из комы третьей степени и добиться такого результата...

– Да, да, согласен... Но пост ни в коем случае не снимайте. Тут обязательно должен кто-то быть постоянно. Мистика мистикой, а дело...

* * *

...что, что, что, что, что, что...

...что-то, то, что поэтому я поэтому тут я...

...потому что...

...потому что ум...

...кто ум...

...кто-то ум... умер... кто-то умер...

Это не вода. И она не фиолетовая, она черно-багровая, и бьется в каком-то ритме, и этот ритм я знаю, этого не может быть, но я знаю, этот ритм внутри меня, это не ритм вовсе, это... в глубине...

Черно-багрово-серое, нет, все-таки вода, сквозь, насквозь, может быть, даже вверх... если отделить одно от другого и понять, что одно внутри, а другое прикосновение неподвижно беззвучно не-живое... ткань, ветер, это слабый ветер... что это такое... что... где... где это все...

Свет.

Почему все такое серое?

Подожди, стоп, спокойно. Себя выдавать нельзя ни в коем случае. Если чуть-чуть приоткрыть глаза, совсем немного, и подождать, пока зрение освоится... ага, теперь ясно. Комната. Окно, занавешено какой-то тряпкой. Полумрак. Нет, не полумрак, это глаза врут. Просто приглушенный тканью дневной свет.

Так, теперь дальше.

Лежу.

Я лежу, видимо, это кровать. Если скосить глаза, видно, что я лежу под простыней.

Пока что не выдавать себя, видимо, меня кто-то поймал, но кто, и что вообще, собственно, случилось? Стоп-стоп-стоп, подожди! Сознание, подожди, не так быстро. Не важно, кто и почему, сейчас крайне важно для начала выбраться отсюда, потом решим и все поймем.

Выбраться...

Оглядишься сначала. Один? В комнате – один? Отлично. Теперь можно уже нормально открыть глаза и осмотреться.

Стол, стул, тумбочка, кровать, какая-то стойка из металла, еще одна стойка, три синих обшарпанных баллона непонятно с чем в углу, на стуле – белая тряпка. Видимо, какая-то

одежда.

Так, а я сам? Быстро – руками вверх-вниз по телу. Голый. Черт, это плохо. Придется, видимо, прихватить ту тряпку.

Почему так отвратительно слушаются руки, особенно правая? Ну-ка, еще раз! Ага, так-то лучше. Несколько глубоких вдохов... почему-то справа покалывает... может, долго лежал? Лежал и отлежал. Если долго лежал, то подниматься надо медленно. Отлично. Сел. Сижу. Адаптировался? Хорошо. Теперь встать.

Черт, как же дрожат коленки! Что за ерунда?! Просто жутко дрожат. Ладно, ничего, минуту постоять, держась за спинку кровати. Отпустить. Ну, ноги, шагайте. Шагайте, говорю! Вот именно. Сразу бы так.

Тряпка. Что-то типа длинной рубашки на пуговицах. Белая. Ладно, сойдет. Надел, теперь застегнуть пуговицы. Пальцы не слушаются... ладно, пока что так, хотя бы три, потом остальные... а тут, оказывается, жарко... теперь – к двери. Немного приоткрыть и осмотреться.

Коридор, залитый ярким летним солнцем, длинная череда высоких окон, сложная смесь запахов, по большей части незнакомых или вызывающих какие-то непонятные ассоциации. Высокий потолок, пыльные люстры, лепнина, грубо покрашенные в грязно-бежевый цвет стены, кое-где в трещинах, в сколах, отвалившиеся кусочки штукатурки на потолке, истертый деревянный пол, кажется, паркетный...

Главное – пусто. Никого. Осторожно, придерживая дверь,

выходим... так... теперь хорошо бы бегом, но с ногами какая-то ерунда... ничего, разойдусь, для начала просто быстрым шагом, а теперь можно и ускориться немножко... нет, действительно, очень жарко, и какая же духота... проклятая рубашка липнет к мгновенно взмокшей спине, волосы мотаются... кажется, они были короче, почему сейчас так?.. Нет, не понимаю, это все потом, потом, надо выбраться, сбежать, поэтому быстрее, пока никто не появился... Что это? Лестница? Куда мне, вверх, вниз? Выглянуть в ближайшее окно. Ага, город. Где-то внизу – пыльная зелень, крыши, река... Значит, вниз. В городе можно хорошо затеряться, мне же приходилось теряться в городах, да? Приходилось, приходилось, помню, что приходилось.

Только бы не свалиться, костей не соберешь. Прохлада, гулкий звук шагов, а ведь хорошо, что я босой, в обуви шумел бы сильнее, ни в коем случае нельзя останавливаться, ладно... Вниз – не вверх, иди себе и иди... сердце колотится, но это тоже ерунда... сколько же я лежал? Неделю, две? Нет, про это тоже некогда... быстрее, быстрее! Последний пролет, тамбур, снова тяжелая деревянная дверь, сначала надо выглянуть...

И тут пусто?!

Такого везения не бывает...

Надо пользоваться. Поэтому – снова бегом, через эту маленькую площадь, вон к тем домам, в переулок, потом... направо? Налево?..

Черт, что-то мне нехорошо.

Что-то совсем мне нехорошо, нужно сесть. Плевать куда. Срочно сесть, а иначе я просто упаду. Грязно-серый бордюрный камень в жидкой тени какого-то куста. Акация? Фиг знает, похоже... где я видел акацию? А много где... пыльные зеленые стручки с мелкими семенами, перистые листочки...

Сижу.

Совсем нехорошо. Сердце колотится где-то в горле, дышать тяжело, как тяжело дышать, перед глазами – рой черных точек, и руки немеют, не чувствую... Ничего, пройдет. Посижу, отдохну, пройдет. Пуговицу бы только расстегнуть верхнюю, вот только руки не действуют...

– А это чего тут?

– Да небось с нашего же института. Пьяный, что ли?

– Днем?

– И чего б не днем? Налакаются спиртяги разбавленной, чего им, лаборантам... видишь же, в халате. Совсем, видать, бухой.

– Твою ж мать... в халате! Дак это ж бабы-Надин халат! Видишь, на кармане – «Надежда Колоскова»! Ах ты ж сука! Халат попер! А ну, иди сюда!

– погоди, Петь, он вроде не пьяный, не пахнет спиртом-то. Слышь, ты, эй! Где халат взял? Вставай, давай! Халат, говорю, где подрезал? А ну-ка, пошли! Отрастил волосья, так, думаешь, сразу можно чужие халаты тырить?

– Пошли его к бабе Наде отведем, пусть полюбуется! Во-

рюга!.. Слуш, а он без штанов. – Смех.

Надо поднять голову и посмотреть. Молодые, загорелые, одежда одинаковая – белые майки-борцовки, синие штаны. Двое. Другие подробности не дают рассмотреть черные точки.

– Вставай, говорю!

Я бы рад. Но не могу. Все, сдаюсь. Добегался. Кажется, совсем добегался. Сейчас они меня прямо тут и... смотри-ка, нет. Взяли под руки, потащили. Обратно, видимо. Точно, обратно... Ну, один-ноль в вашу пользу. Ноги вообще не идут, совсем. И сердце все никак не успокоится, сволочь.

– Ты тут с ним посиди, чтобы не сбежал, а я пойду бабу Надю приведу.

– Слушай, он чего-то того, по-моему. Может, больной? Или перегрелся?

– У нас если кого за руку на воровстве поймать, тоже сразу и больной, и перегрелся...

– А вон она! Баба Надя! Баба Надя, давай, чаль сюда, нашелся твой халатик! – Это тот, который посветлее и с волосами ежиком.

– Ой, мамочки... всего на пять минут отошла... ну, на десять... Господи... Мальчики, вы где его нашли?!

– Халат?

– Да нет. Этого вот...

– За тем домом, на поребрике сидел.

– Ой, чего будет...

– Чего будет? Ну, постираешь халат, делов-то...

– Ой, мальчики... упустила... уволят...

Быстрые шаги, тень. Разгневанное сопение.

– Что тут происходит?

– Федор Васильич...

– Я спрашиваю, что тут происходит?! Надежда Ивановна, вы что?! Вы отдаете себе отчет?!

– Федор Васильич, так чаю отошла попить... на пять минут всего...

– С вами потом будет отдельный разговор. И на квартальную премию можете не рассчитывать!

Надо поднять голову и посмотреть, кто это – голос знакомый. Определенно, я его слышал раньше. Голову надо поднять, но голова не поднимается. Перед глазами вместо яркого солнечного дня – рой черных траурных мух. В ушах звенит. Все сильнее и сильнее. И дышать трудно. Совсем трудно стало дышать.

– Молодой человек, ну вы даете, право слово. Разве можно в таком состоянии так бегать? Вы что, на тот свет захотели?

Вот это руки! Железные. Одна – за подбородок, вторая – на шею. Задушить решил? А, нет... кажется, нет. В глаза смотрит... зачем-то... что там у меня в глазах?

– Вам плохо? Ну вы и горазды... Плохо?

Нет, блин, хорошо, не видно разве? Смотрит, ждет. Хочет, чтобы ответил? Какой это язык и почему я его знаю? Очень знакомый язык. Вот только сил говорить нет. Что-то, кажется,

ся, и дышать сил тоже нет...

– Тахикардия под двести... Так, вы, двое, – быстро сюда носилки. Сейчас поднимем в палату. Лифт работает?

– Вроде утром работал один.

– Хорошо. Сейчас же в палату, и кардиолога срочно. Надежда Ивановна, срочно – это значит прямо сейчас, а не когда он соизволит дообедать. Все, марш-марш!

Только бы не упасть. Как можно упасть, когда сидишь? Да запросто.

– Молодой человек, вы меня понимаете?

Разговор тет-а-тет. Хорошо, надо все равно попробовать вспомнить язык, верно? Говорить удобнее, когда видишь собеседника, но выбирать не приходится. А еще удобнее говорить, когда есть чем дышать.

– Да...

Язык не слушается.

– Хорошо. Не волнуйтесь, сейчас мы вам поможем. Сядьте пока что поудобней, дышите глубже. Лечь не хотите?

Хочу?... Я сейчас, кажется, и в самом деле лягу, хочу я этого или не хочу. Подхватил, смотри-ка. Да, лежа лучше... только голова, предательница, кружится, и в глазах темно. А вот дышать стало полегче немного...

– Скажите, как вас зовут?

Меня?.. Вот это фокус... как же меня... Господи, конечно же...

– Ит. Биэнн Соградо Ит... но я не помню...

– Ничего, это ничего. Потом все вспомните. Сейчас будет лучше, потерпите немного. Ага, вот они. Ребятки, не трясите лишнего, но быстренько.

Лязг, шум, гулкий коридор, шаги, плавно раскачивающийся мир; солнечные прямоугольники на паркетном полу, под странным углом, и потолок словно наизнанку, снова шаги, почти неразличимые голоса... звяканье, стук стекла о металл, запах – спирт? Похоже... Болезненный укол куда-то в предплечье, шипенье – сжатый воздух?.. Что это?.. Вялость, слабость, силуэты плывут, растекаются, меркнут...

* * *

...что...

Кристально-прозрачное.

Теперь все – кристально-прозрачное, я вспомнил.

Меня зовут...

Меня зовут Биэнн Соградо Ит, мне двести тридцать пять лет, я работаю агентом в мобильном подразделении Официальной Службы, локация подразделения – Орин.

Я являюсь представителем двух рас, рауф и людей, у меня совмещенный геном. Практически всю свою жизнь, за исключением самого ее начала, я считал себя в большей степени гермо, нежели человеком, но работал и с одной расой, и с другой.

У меня была постоянная тройственная семья. Двое гермо,

мы – и наш муж. Вторая семья являлась браком по договору. У меня был сын.

А здесь я оказался потому...

Потому что...

...что...

Потому что умер Фэб.

* * *

В голове – сумятица, полная. Растерянность и сумятица. Первые дни Ит вообще ничего не понимал, и слава богу, что его не трогали. Большую часть дня он лежал в полусне-полуоцепенении и пытался как-то собраться с силами, но мысли разбегались в разные стороны, и, едва начав о чем-то думать, он оказывался один на один с растерянностью и страхом. Снова и снова накатывала, словно волны, боль от страшной потери, которая, как ему казалось, была буквально вчера, а оказывается, прошло больше года, и теперь...

Совершенно ничего не понятно.

Ладно, попробуем мыслить логически.

Сначала...

Не получается сначала. Потому что начала нет.

А не все ли равно, если вдуматься?

Действительно, все равно. Потому что на самом деле действительно больше ничего нет. И уже не будет. Была семья. Был Фэб, которого они оба очень любили. Была Орбели-Син.

Был Фэб-младший. Был дом Фэба, дом Орбели. Была работа. Была спокойная уверенность в собственном завтра.

И в одночасье ничего не стало.

Нет, не совсем так. Не в одночасье, конечно. Фэб был стар, более чем стар, и умер он...

Он умер просто от старости, стараясь держаться до последнего.

Умер в своем родном доме, у них двоих на руках.

А потом...

Потом рыжий сделал что-то... или сказал что-то... проблема в том, что я помню, что именно он сказал, но это причиняет такую боль, что сознание, кажется, блокирует эти слова автоматически. Полностью.

И в тот момент я понял, что нет больше ничего.

Ни дома.

Ни семьи.

Ни, видимо, даже работы, потому что работать с ним рядом после этих слов просто не получится и...

И я что-то сделал.

Что-то сделал, и в результате оказался... где-то.

Непосредственно – здесь.

Не знаю, что такое это здесь.

Впрочем, все равно.

Федор Васильевич приходил ежедневно, но обычно совсем ненадолго. Вежливо здоровался, бегло осматривал, делал какие-то пометки в маленьком, переплетенном в линялую кожу блокнотике. Пожилой сухощавый человек, всегда гладко выбрит, подтянут, отстраненно доброжелателен. Всегда спрашивает, не нужно ли чего-нибудь.

Нет, спасибо, ничего не нужно.

Мне действительно ничего не нужно.

Разве что понять, для чего вы меня спасли.

Я не хотел, чтобы меня спасали. Я сделал все, чтобы меня не спасли. А вы взяли и для чего-то спасли – и вот я тут, в неизвестности, живой снаружи и мертвый изнутри.

Зачем?

– Ит, нам не нравится ваше состояние. Оно явно вызвано не травмой и не последствиями комы. Мы хотим помочь вам, понимаете?

– Да, понимаю. Спасибо, мне ничего не надо. Все нормально.

– Вы говорите это третью неделю. И ни разу за это время даже не вышли из палаты. Я полагаю, что происходящее с вами – последствия какой-то психологической проблемы. Вы не хотите поговорить об этом?

– Нет.

– Молодой человек, я бы все-таки попросил вас...

– Я не молодой и не человек. Я как минимум впятеро вас старше. То, что я выгляжу подобным образом, обусловлено только тем, что я – больше чем наполовину рауф пола гермо. Я уже говорил вам об этом, и...

– Вы только не волнуйтесь и простите меня, пожалуйста. Мне почему-то кажется, что, если вы расскажете, в чем проблема, вам станет легче.

Вот тут вы, Федор Васильевич, сильно ошибаетесь. Легче мне не станет. Рассказать, конечно, можно, это не изменит ничего и ни на что не повлияет. А мне станет, наверное, еще тяжелее... так мне и надо, впрочем.

– Я не вижу в этом смысла. Вы все равно не поймете большую часть того, что я буду объяснять. И много слов просто не переводится на русский язык.

– Но все же давайте хотя бы попробуем.

Федор Васильевич исподволь внимательно поглядывал на собеседника. Прогресс, прогресс. Впервые за все время удалось немного разговорить. Ни в коем случае нельзя дать ему сорваться в пике, надо дотащить любой ценой до результата – столько информации, и если упустить, то все пойдет прахом. Он знает. Он невероятно много знает, и терять этого... человека... ни в коем случае нельзя. Психологи сначала посоветовали выжидательную тактику, но она ничего не дала. Сейчас – родилась версия чуть-чуть сменить линию поведения, вывести на разговор. И он вышел. Не отвернулся молча

к стене, как делал две с половиной недели, а пошел на контакт.

Хорошо.

– Может быть, вы будете спрашивать? – Сам предложил. Ну надо же!..

– Давайте попробуем вопросы. Для начала – вы сказали, что у вас была семья. И у вас был муж. Как вы себя назвали?

– Гермо. Это пол. Наша раса имеет три пола.

– И у вас был муж?

– Да.

– Подождите. Вы – гомосексуалист? У нас это не возбраняется, но некоторые, знаете ли...

– Нет, я не гомосексуалист. Для нашей расы это невозможно по физиологическим причинам. Я – гермо. Гермо – это мужчина и женщина одновременно.

– Средний род?

– Нет. Два рода в одном. По отношению к мужчине нашей расы я – женщина, по отношению к женщине – мужчина.

– Но вы также сказали, что у вас есть и человеческие гены?

– Да. Это мужские гены. С человеческой точки зрения я – мужчина.

– Давайте тогда придерживаться все-таки человеческой точки зрения, мне так проще, – предложил Федор Васильевич. – Итак, у вас была семья. Если я правильно понимаю, произошло что-то, из-за чего она прекратила свое существование?

- Да. Умер Фэб, наш общий муж.
- Почему это произошло?
- Просто от старости. Он не хотел умирать, но...

* * *

Смерть ходила по дому, а они ходили, как тени, за нею следом. Ходили и видели то силуэт в окне, то отблеск на полу, то ощущали движение воздуха или что-то еще, для чего не существовало слов.

Ходили по очереди, кто-то один сидел рядом с кроватью Фэба, сидел и слушал, а потом его прогонял второй, и теперь уже тот, кто сидел, продолжал свое бесконечное странствие.

– Милые, дорогие мои, не надо... – просил Фэб. – Мне очень горько покидать вас, но я слишком устал, чтобы остаться... Вы столько сделали для меня, вы пришли ко мне, когда я думал, что жизнь моя кончена, и подарили мне новую... я так благодарен вам... но что в мире есть вечного...

Они были единственными, указанными в его завещании. Единственными, кто имел право принять его смерть. Никого больше он не позволил позвать – ни сына, ни их жену... Принимать смерть имеет право только тот, кто любит... и кто способен это выдержать.

Ит сидел рядом, держа Фэба за руку, а по другую сторону кровати точно так же сидел, сжав другую безвольную белую руку, Скрипач. Ит молчал, говорить не было сил. Молчал,

удерживая холодеющую ладонь в своей и всем телом слушая волшебный, неземной запах; запах, который был Фэб, который за двести лет стал не просто родным, нет, он стал символом дома, он был любовь, и вера, и утренний чай за общим столом, и прощание перед долгой дорогой. Светлый, прозрачный, чуть горьковатый запах весенних трав, каких-то цветов, дикого меда и моря... «твоя голова сама достраивает эту картинку»... в моей голове живет этот запах, пока жив Фэб, пока еще слышно его дыхание, и надо запомнить, удержать, сохранить...

– Спасибо... – еле слышно выдохнул Фэб.

И...

И мир стал рассыпаться на части.

Запах, который был главным символом всего, вообще всего на этом свете, стал уходить, истончаться, меркнуть. Скрипач по другую сторону кровати сполз на пол и, удерживая в своих ладонях мертвую руку, беззвучно рыдал, давясь слезами, задыхаясь, а он, Ит, сидел неподвижно, не в силах справиться с дикой болью внутри, которая поднималась и поднималась, все выше, выше, захлестывая его существо и безжалостно разрушая все, чем он до этого был.

...они похоронили Фэба вечером, сами. Рядом с могилой его первой жены, Гиры, появилась вторая. Скрипач откуда-то привез такой же длинный камень, и они вдвоем выжгли на нем – «Фэб».

И вернулись в дом.

И дом впервые встретил их холодной звенящей пустотой, в которой не было жизни.

Ит прошел в кухню, вытащил из шкафа бутылку, сделал большой глоток, потом, не глядя, сунул бутылку Скрипачу. Тот тоже отпил, брякнул бутылку на стол. Вытащил из соседнего шкафа вторую, поставил рядом с первой. Света они не зажигали. Ни одному из них просто не пришло это в голову.

Кажется, они пили всю эту бесконечную ночь.

Пили и снова бродили по пустому, мертвому дому.

Рассвет застал Ита рядом с могилой. Он осознал, что лежит на земле, у самого камня, и изо всех сил впивается в эту землю окостеневшими пальцами.

Шаги.

– Что ты здесь делаешь?

В голосе – какая-то странная неприязнь и отчуждение.

– Я не могу...

– Ты не можешь? Ты думаешь, я могу?

– Ты там, а я здесь...

– Чего ты этим хочешь сейчас добиться? Ты его не вернешь. И никто его не вернет.

Никто его не вернет...

– Не могу...

– А о других ты подумал?

– О ком?

– Хотя бы обо мне! Или о Син! Или о младшем! Ты не можешь?! Отлично! Тогда возьми лопату и выкопай его –

вдруг полегчает!

Шорох по траве, удаляющиеся шаги.

Возьми и... что?.. Вот, оказывается, как? Ты меня ненавидишь? За то, что я любил его так же, как тебя, как всех вас, – ты меня ненавидишь?

Значит, мне нечего тут больше делать.

Мне тут не место.

Мне нигде не место.

Дальше он, кажется, все-таки поцеловал камень – или нет, этого в памяти не осталось. Осталось другое – ощущение одиночества, полного и абсолютного, когда на боль от смерти накладывается боль предательства, многократно усиливая ее, умножая, увеличивая.

И...

Я что-то сделал.

Кажется, я отошел в сторону, чтобы не повредить случайно оба камня.

Отошел и...

Я ударил. По себе. Через Сеть. Я хотел только одного – чтобы меня больше нигде не было и чтобы не было этой боли. Она оказалась больше, чем я сам, и я не мог этого вынести... кажется, сейчас тоже не могу.

Дальше я ничего не помню.

Простите.

– Что такое Сеть? Ит, вы уже упоминали о ней, но до сих пор ни разу не уточнили: что вы вкладываете в это понятие?

– Это ментально-энергетическое построение... извините, я не хочу говорить.

– Хорошо, тогда на сегодня все. Один момент, вернее вопрос. Простой, он не относится к... вашей трагедии. Сумее-те ответить или лучше завтра?

– Попробую.

– Через неделю я буду выступать с докладом по вашему случаю. Тут, в нашем же институте, ехать никуда не надо. Вы согласитесь присутствовать?

– Это обязательно?

– Желательно. Работа, которую мы проделали, нуждается в...

– Можете не продолжать. Если для вас это принципиально, я постараюсь... там быть. Если людей будет не очень много. Мне тяжело... когда много людей, думаю, вы понимаете почему.

– Нет-нет, что вы! Человек двадцать, ну тридцать – для большой аудитории это капля, там будет почти пустой зал.

– Я приду. А можно встречный вопрос?

– Конечно же!

– Зачем я вам нужен?

Растерянность. Впервые – самая настоящая растерянность. Он не понял вопрос?

– Простите, но я несколько...

– Для чего я вам понадобился? Я умирал, но вы с какой-то целью стали лечить меня. Обычно это делается все-таки не просто так, особенно в мирах, подобных вашему.

– Эээ... Ит, я не знаю, какие у вас порядки, но у нас есть такое понятие, как оказание помощи. Не имеет значения, о ком идет речь – о госте, таком, как вы, или о любом другом человеке. Если есть возможность, то...

– Когда я был... в коме, я слышал обрывки разговоров. Из них я сделал вывод, что мне в какой-то степени повезло, если это можно так назвать. Я сейчас был с вами откровенен и теперь прошу быть откровенным со мной.

– Ну, в таком случае... понимаете ли, само по себе такое явление, как гости, у нас распространено достаточно широко. В одной только России находится около полутора тысяч действующих точек выхода. И за год появляется от сотни до полутора сотен гостей. Но они не выживают. Ни один не выжил за все это время... кроме вас. Мы не знаем природу этого явления, не знаем, откуда они к нам приходят, мы пытаемся изучать, но дело в том, что...

– Погодите. Вы хотите сказать, что...

– Да. Именно так. Вы – первый выживший, и поэтому, если, конечно, вас не затруднит... мы были бы рады любой информации, но если вы против... Вы спросили, зачем вы нам

нужны, но меня гораздо больше волнует, зачем мы нужны вам, Ит?

– Мне?

Так, теперь, кажется, моя очередь растеряться.

– Я не знаю.

– Ладно, думаю, что на сегодня все. Отдыхайте. И очень вас прошу, поужинайте. В вашем нынешнем состоянии нельзя есть один раз в день, вам просто не из чего будет восстанавливаться.

– Спасибо за заботу, но я, с вашего позволения, все-таки сам решу, хочется мне есть или нет.

– Не могу вам это позволить. Вот когда вы перестанете находиться под опекой нашего отдела, творите, что хотите. А сейчас – выполняйте назначения.

Наверное, это смешно.

Только смеяться не хочется.

Потому что все равно.

* * *

– ...вероятность его потерять. В то же время, свободу волеизъявления никто не отменял. Если он выпрыгнет из окна, мы ему в этом помешать все равно не сумеем.

– Не думаю. В какой-то степени, возможно, религиозен. Это очень тяжело – когда жить не хочется, а самоубийство – смертельный грех. Может быть, как-то сменить обстановку?

Дать провожатого, пустить в город? Новые впечатления и все прочее...

– Если он согласится. Хотя, знаете, на докладе он вел себя образцово. Какая-то вроде бы даже военная выучка чувствовалась. Собрался, подтянулся... отлично и подробно отвечал, вежливо, объемно. Даже нашим самым отъявленным идиотам, которые ничего умнее не придумали спросить, не инопланетянин ли он.

– И что ответил? Знаете, коллега, мне жаль, что меня не было, – но конференция, сами понимаете...

– Он совершенно спокойно ответил, что именно так и есть, а потом добавил, что спрашивающий с его точки зрения – тоже в некотором смысле инопланетянин. Еще один момент мне очень понравился. Прежде чем начать давать ответы, он поблагодарил наш отдел – за то, что сделали для него. За помощь. Такое ощущение, что он... знаете, это похоже то ли действительно на военную, то ли на дипломатическую службу, но он служил, точно служил. Светлая голова, ясный, логичный ум. Конечно, ему большого труда стоило собраться с силами для этого доклада, да и потом он почти сутки просидел в палате, взаперти, видимо, приходил в себя. Но сам факт...

– Коллега, я считаю, что нужно в город. Сначала с провожатым, который поможет разобраться, потом можно и самостоятельно. У нас тут не тюрьма, а он не узник, согласитесь. Создается впечатление, что мы его насильно тут удержива-

ем.

– Да Господь с вами, конечно же, нет!.. – Негодование и легкое возмущение в голосе. – За здоровьем, разумеется, какое-то время следить обязательно придется, но это вовсе не означает, что...

Какого черта они затеяли этот разговор прямо под моей дверью?

Нарочно?

Им надо, чтобы я это все слышал?

Как меня хвалят, как говорят, что я совершенно свободен, как предлагают что-то...

Взрослые, умные, доброжелательные люди, вы никак не поймете, что тюрьма у меня внутри; такая крепкая, что никто ни при каких условиях не способен сокрушить этих стен.

Оставьте мне мою тюрьму.

Если вы хотите, чтобы я пошел в город, я пойду.

Но тюрьмы моей вы не трогайте.

Потому что в самом сердце этой тюрьмы сейчас сижу находящийся я и держу в своей руке руку еще живого Фэба. Фэба, который единственный во всей Вселенной меня любил, принимая с первой секунды встречи таким, какой я есть, и со смертью которого умерла добрая и лучшая часть меня.

* * *

– Федор Васильевич, я хотел попросить об одном одолже-

нии.

– Внимательнейшим образом вас слушаю.

– Я живу тут уже месяц просто так. Мне... мне неприятно, что я задаром ем свой хлеб и ничего не делаю. Я не привык, мне это чуждо, и для меня это против правил. Скажите, я могу получить какую-нибудь работу, не требующую квалификации?

– По-моему, вам еще рано, Ит. Вы недостаточно окрепли. Вы были в городе?

– В городе я был, он замечательный, но я не могу больше бездельничать.

– Ит, повторю, вы еще не в том состоянии, чтобы...

– Я так не думаю. Если я буду продолжать торчать целый день в палате, я сойду с ума. Вы хотите, чтобы я был в пределах досягаемости, верно?

– Верно.

– Вот и подскажите мне, чем я могу заняться, не имея ни одного нужного навыка, но в пределах института.

– Ит, я бы попросил...

– Или вы подскажите, или я сделаю это сам. Да, у меня нет натурализации, но для некоторых видов работ она не требуется.

– Ой, прекратите вы! Сделаю я вам натурализацию, это не проблема, при моих-то связях. Но почему бы вам все-таки не долечиться нормально?

– На риторические вопросы отвечать сложно. Пожалуй-

ста, дайте мне работу.

Москва, НИИ БВФЖ

Грузчики

Вместо шестнадцатого этажа – первый. Вместо палаты – комната в общежитии. Только одно он попросил: чтобы разрешили пользоваться душем для лаборантов, внизу было все-таки слишком грязно, и с горячей водой чуть ли не каждый день случались перебои.

Койка поначалу досталась неудачная, у самой двери, на проходе. Потом он понял – это сделали нарочно, проверить, какая будет реакция. Реакции не оказалось никакой – Ит безропотно сложил в тумбочку свои вещи (всех вещей – кружка, ложка, три книжки, запасное белье и майка со штанами на смену), вежливо поздоровался, взял одну из книг... и замолчал.

Вечером того же дня заглянул Федор Васильевич и слегка напинал грузчикам, чтобы не трогали нового. Народ оказался на удивление с понятием.

– Не, ну, Васильич, ну мы ж понимаем...

– Не «мы понимаем», а чтобы не трогали. Работать он сам захотел, но у нас для него работы оказалось – одно другого хуже. Или в архив, пыль нюхать, или в лабораторию, с химикатами, или к вам. Я выбрал, чтобы сюда. Не он, а я, учтите.

Тут он хотя бы на воздухе будет.

— Васильич, мы поняли, не бойсь. Проставляться не заставим, темную не устроим. Да и откуда ему наши порядки-то знать, если гость...

— В общем, рассчитываю на вашу сознательность, товарищи дорогие. Учтите, навещать его буду часто, первое время каждый день. И давайте ему пока полегче что-нибудь. А то мешок с картошкой, уж простите, больше его весит. Пусть оправится немного.

— Да не вопрос. Васильич, ты бы нам тогда, что ли, того... спиртику, что ли, подогнал бы, а?

— Подгоню. Ради такого дела — подгоню.

— А он сам-то... того? Употребляет?

— Кажется, нет. Я этим вопросом не интересовался. Вы, кстати, по возможности его с собой приглашайте, что ли. В кино по вечерам, как сами пойдете, еще куда.

— Ох, Васильич, малохольный он с нами по кинам-то ходить. Пусть лучше тут сидит, целее будет. А то у нас кино бывает, которое с правой руки в левый глаз напрямую показывают. Особенно если в пиво кто забодяжит димедрол.

— Тогда не зовите. Хорошо, будет вам спирт... Не переспрашивай, Володя. Будет.

* * *

Работа делилась по дням. Был «хавкин день», был «стек-

ляшкин день», был «крыскин день».

В «хавкин день» привозили еду, и тут грузчикам, конечно, предстояло попотеть. На всю Котельническую высотку было шесть столовых и три буфета. Две столовые – академические, повыше классом и этажами, три – для персонала, в «крыльях» и в «центrale», и одна – для obsługi, в дальней части левого крыла, в ней же кормили и грузчиков. Хавку, или, проще, еду, подвозил всегда один и тот же обшарпанный старый речной трамвай, воняющий соляркой так, что вблизи его глаза начинали слезиться. Час – разгрузка, часа два-три – растащить овощи, фрукты и мясо по столовым. Вечером трамвай приходил снова, уже сверху реки, на этот раз он забрасывал сахар и крупы. «Хавкины» дни случались два, а то и три раза в неделю.

В «стекляшкин день» привозили химическую посуду. Это был день легкий, простой, потому что ящик с пробирками и ящик с помидорами – это все-таки очень разные ящики. Приходила машина, которая везла посуду, реактивы, химикалии. Разгружали ее быстро, а дальше начиналась возня – какая лаборатория что заказала. Но и возня эта была не очень обременительная.

Зато «крыскин день» всегда получался на редкость нервным. В этот день привозили лабораторных животных, и обязательно что-нибудь, да случалось. То разбегались белые мыши (к слову сказать, в Котельнической высотке водились мыши очень оригинальных расцветок – некоторые из непой-

манных беглянок устраивали свою судьбу под ее крышей), то особо шустрая крыса успевала кусануть кого-нибудь за палец, а то и вовсе при погрузке чья-то умная голова умудрялась перепутать заказы, и вместо крыс с мышами приезжали, например, никому не нужные кролики или даже перепелки.

В высотке квартировали сразу пять институтов, и место это, по общему мнению, считалось престижным и желанным. Попасть на работу в тот же БВФЖ было мечтой многих. Одиноких сразу ставили в очередь на комнату и давали хорошее общежитие. Семейным предоставляли временные квартирки, пусть маленькие, с общей кухней, но все-таки уже почти отдельные. Можно было выбить путевку куда-нибудь – и для себя, и для ребенка. Ведомственный сад, опять же, своя школа, подмосковный профилакторий. А для всяких мэнээсов – шикарная стартовая площадка, потому что после практики в БВФЖ можно было найти отличную работу – научная школа, там существовавшая, давно была признана чуть не во всем мире. Кажется, даже в Америке.

Грузчиков, впрочем, это все мало касалось.

Их занимали вопросы куда более простые.

Вставали рано, в шесть утра, наскоро умывались, съедали в столовке по тарелке вчерашней овсянки или гречки, запивая жидким кофе, и шли встречать первый транспорт, который обычно приходил около семи утра. Чаще всего это была почта в немалом количестве или пресса. Разгрузив, разбредались по своим делам до обеда – после него как раз прибы-

вал основной транспорт. В интервале с двух до четырех приходил или трамвайчик с продуктами, или машина с посудой, или машина с животными. Если день оказывался «стекляшкин» или «крыскин», после разгрузки грузчики были уже свободны и уходили – шляться по городу, отдыхать, развлекаться. Если «хавкин» – делились на группы, одна оставалась до вечера, ждать обратно трамвайчик, другая опять же шла в город.

Даже Иту, даже после почти полуторалетней комы такая работа показалась совсем уж необременительной. Делать было, если разобраться, нечего. Но он, приученный с детства к пунктуальности и аккуратности, и тут сумел устроить все с максимальным комфортом для себя. Есть правила? Отлично. Можно их просто соблюдать. Несмотря на то, что они, по сути дела, идиотские.

Машину или речной трамвай предписывалось ждать на дебаркадере с двух до четырех часов, в самую жару, когда, казалось, даже птицы не летали. Конечно, ни один грузчик этого не делал – все прятались под прохладной сенью высотки и лениво выдвигались только тогда, когда трамвайчик начинал отчаянно орать, возвещая о своем прибытии.

Все.

Только не Ит.

В два часа дня, после обеда, во время которого он выпивал пару стаканов компота, но не ел практически ничего, Ит выходил на улицу, садился в уголке дебаркадера и принимался

терпеливо ждать.

Первый тепловой удар он получил через неделю после начала работы. Второй – еще через трое суток. После третьего пришел Федор Васильевич и в тактичной форме объяснил, что так делать больше не следует. Ит ответил, что он ничего такого не делает – ему дали работу, он ее выполняет.

Федор Васильевич возразил, что работу ему дали не для того, чтобы он на этой работе покончил с собой.

Ит вежливо ответил, что, если он захочет покончить с собой, он найдет способ – можно прыгнуть с высоты или зайти в лабораторию и хлебнуть, к примеру, соляной кислоты. Но это пока что в его планы не входит. Федор Васильевич поджал губы и ушел.

А вечером к нему подвалили коллеги-грузчики.

– Ты это, того... чего Васильича забижаешь? – хмуро спросил старшой по имени Володя и по кличке Ленин. – Мужик к тебе с добром, а ты себя ведешь, как скотина.

– Я никого не обижал, – безучастно ответил Ит.

Разговор происходил в коридоре, возле подоконника, облюбленного Итом несколько дней назад. Когда другие грузчики устраивали пьянку, он уходил туда и сидел, глядя на улицу, пока окончательно не темнело. Пару раз даже ночевал тут же – по неким причинам.

– За дураков нас не держи. Чего на дебаркадере торчишь?

– Так положено.

– Да ни хрена не положено! Хоть из газеты себе шапку

сложи, что ли! Ептыть, бегай за ним потом с ведром... кой хрен ты на нашу голову-то свалился, малохольный?

Они не понимали его, он не понимал их...

– Издалека. А сидеть я все равно буду.

Следующий тепловой удар он получил еще через двое суток.

– Нарочно, что ли?! – орал Ленин, вылив предварительно Иту на голову ведро холодной воды. – Мало башкой стукнулся? Еще добавить хочешь?

Ит молчал. Потом вяло пожал плечами.

– Так ты нарочно или нет?! – теряя терпение, рявкнул Ленин.

– Нет, – ответил Ит. – Я просто... не могу иначе.

– Ну и черт с тобой, – огрызнулся грузчик. – А ты сильный. Другой бы давно...

«Уже не сильный, – думал потом безучастно Ит. – Уже давно не сильный».

Москва, НИИ БВФЖ
Скрипач

Город на поверку оказался ужасным местом. То есть на самом деле ничего ужасного тут, конечно, не было, но у Ита при любой попытке походить по улицам через час начиналась нервная тряска – половина улиц, знакомых ему по чужой памяти, оказывались не улицами, а небольшими реками или каналами.

Москва была Москвой и не Москвой одновременно.

Все холмы окружали реки – например, реки были на месте всех улиц, расположенных в нижних частях города. Рекой была Пятницкая, а Яуза, такая знакомая Яуза разветвлялась каналами и отводками, которых в памяти и близко не было.

Это чудовищно угнетало. Какое-то время Ит пробовал ходить по городу, но потом оставил это занятие. В считках, доставшихся в наследство от Пятого, Москва была иной. Северный город, становившийся праздным и вольготным лишь тогда, когда выглядывало солнце. Та Москва, которую он видел сейчас, отличалась от той, что была в считках, разитель-но.

Южный солнечный город лежал сейчас перед ним. Город, пронизанный реками и одной своей частью выходящий к

огромному заливу, который местные называли Московским морем.

И лето. Лето в таком количестве тоже было совершенно неправильным, непонятным, неуместным и поэтому особенно тягостным.

Он никого ни о чем не расспрашивал (не было ни сил, ни желания), но так или иначе узнал, что тут так всегда. Зима была, но короткая, три месяца, и бесснежная – ниже десяти температура не опускалась. Все же остальное время город был погружен в тепло.

От Котельнической высотки он как-то раз добрел дворами до Павелецкого вокзала и долго стоял, оторопев, глядя на аршинные буквы, возвещавшие, что тут находится «Большой Южный речной вокзал». Здание, пристань и с десятков каботажных судов... Малый Южный вокзал, как он выяснил позже, располагался где-то в Печатниках, перед шлюзами.

Город жил в летнем ритме, летней жизнью. Днем все замирало, затаивалось, прячась от солнца – даже магазины и те закрывались на целых два часа, зато вечером Москва оживала. Тянулись к большому городскому пляжу речные трамваи и катера, улицы заполнялись пестро и легко одетыми людьми, откуда-то обязательно звучала музыка... Город гулял и расслаблялся. Несмотря на то что, на взгляд Ита, город был весьма и весьма беден, это нисколько не мешало людям чувствовать себя в нем если не счастливыми, то близко к тому.

Хотя бедность бедности рознь.

В считках Ит, к примеру, неоднократно видел, как Лин и Пятый собирали копейки, чтобы пойти и купить хлеба, а тут вчерашний хлеб можно было брать даром, платить приходилось только за свежий. Того же Ита несколько раз зазывали на ужин люди, которых он видел два или три раза в жизни, и то мельком. Лаборантки из института, кто-то из obsługi. Можно было идти по улице и услышать откуда-то из окна приветственный радостный вопль:

– Эй, здорово! Ит, давай, заваливай, мамка курицу пожарила с картошкой, хоть пожрешь нормально, а не как в нашей столовке!..

Ита такое панибратство смущало и пугало, поэтому вскоре он почти перестал выбираться в город, а если и уходил, то совсем недалеко, в соседние проходные дворы, где (это он выяснил досконально) нельзя было встретить знакомых или полужнакомых людей.

Володя по кличке Ленин, старшой грузчиков, несколько раз пытался взять над Итом что-то типа шефства, но вышел из этого шефства полный швах. Ит покорно шел, куда звали, говорил, что просили, но вот справиться с собой и как-то втянуться в общее веселье не мог совершенно.

– Слушай, у тебя морда, как у кота, которому в нос сигаретой ткнули, – раздраженно говорил ему Ленин. – Чего тебе не нравится-то? Сидишь, как доской пришибленный, слова из тебя не вытянешь. Смотри, девки какие с училища прича-

пали, а ты все как неродной. Или с лаборатории Павлуха...

Ит в ответ лишь слабо дергал плечом и молчал. Ленин злился, ругался, просил – видимо, чувствовал себя в долгу перед Федором Васильевичем, – но дело с мертвой точки не сдвигалось.

Федор Васильевич действительно стал оказывать грузчикам содействие с той поры, как к ним перебрался Ит. То премию лишнюю подкинет, то продовольственные заказы, то просто принесет литр медицинского спирта. Бригада всему этому радовалась, Ита, конечно, никто не то что пальцем не трогал, наоборот, старались как-то расшевелить, но все было впустую.

Ему ничего не хотелось, разве что одного – чтобы оставили в покое. В столовую он, несмотря на ругань Ленина и просьбы Федора Васильевича, заходил только по вечерам, да то из всей порции съедал разве что половину – почему-то от вида и запаха еды становилось плохо, хотелось поскорее уйти. Он бы, наверное, вообще перестал есть, но в этом случае пришлось бы выдерживать борьбу с бригадой, которая тащила его в столовую чуть ли не силой.

Силы постепенно стали таять. Ленин сначала снял его с разгрузки еды, потом – запретил таскать клетки с животными. И все равно в один отнюдь не прекрасный день очередной тепловой удар на дебаркадере (Ит по привычке продолжал там сидеть с двух до четырех) закончился уже не ведром воды на голову, а тем, что перепуганные грузчики на руках

отволокли его к Федору Васильевичу. Трое суток после этого Ит провел в палате, а когда вернулся обратно в общежитие, получил такой нагоняй от Ленина, что стекла тряслись.

– Долбанный кретин, твою мать! – орал на него Ленин. – Морда козлиная! Хватит над людьми издеваться!

– Я ни над кем... – начал было Ит, но Ленин сунул пудовый кулачище ему под нос.

– Ты не «ни над кем», тебя по харе доской взгреть надо, чтобы прекратил свои фокусы тупые!!! Если я тебя еще раз там днем увижу, я тебя, суку, в Москва-реке утоплю своими руками! Мне Васильич все рассказал...

– Что он рассказал? – безучастно спросил Ит.

– Про тебя все рассказал!.. Как они тебя, гаденыша, полгода выхаживали! Если ты себя не уважаешь, ты хоть их уважай! Люди тебе жизнь твою сраную спасали – для чего?! Чтобы смотреть, как ты эту жизнь херишь, не глядя?!

Ит слушал эту отповедь молча, а потом, когда Ленину надоело орать, просто встал и ушел сидеть на своем подоконнике.

Слова оставались словами, а жизнь оставалась жизнью.

Ит думал – отрешенно, безучастно анализируя все, что вспоминалось или просто приходило на ум. Все, что было в прошлом, выстраивалось теперь в каком-то ином порядке.

Взять, например, ту же Орбели-Син.

Они ведь ее любили, оба любили. И сильно, особенно в первые годы. До восторга, до дрожи. Эта хрупкая, как тро-

стинка, искательница приключений долго не давала им покоя – что говорить, любой гермо, не задумываясь, пошел бы за ней, как хвостик, и беспрекословно выполнил бы любой каприз или желание... они исключением не стали. Ит до сих пор удивлялся, что, кроме, конечно, полной свободы, она в них со Скрипачом тогда нашла? Ну да, деньги, общественное положение, дом, который они ей построили. Может, и так.

Странная, странная... Особенно странно получилось с Фэбом-младшим – вот уже чего-чего, а такого финта ни Ит, ни Скрипач от Орбели-Син не ожидали. Какое чудесное это было время!.. Как им было хорошо тогда, всем вместе – Орбели всегда плевала на любые семейные стандарты и правила, и они, нисколько не смущаясь, собирались несколько лет впятером, всей семьей. Орбели, Фэб-старший, Фэб-младший и они двое... как это было смешно, как здорово – нестись сломя голову на вопль «папа!» и, добежав, обнаружить, что финишировал ты вторым – Скрипач опередил. Как прекрасно было после трехмесячной отработки вернуться домой и обнаружить, что приехали Орбели и сын – значит, можно будет рассказывать на ночь сказки, гладить по голове, выслушивать всякие очень важные детские истории, учить, помогать, да просто любить всех – мужа, жену, сына...

Все исчезло.

Все ушло.

Ит вспомнил, что при последней встрече Орбели вела себя как-то совсем уж странно. Сначала потребовала от каж-

дого из них «внимания», причем не по одному разу, а потом ни с того ни с сего закатила вечеринку, на которую пригласила тьму народу: от своих родственников в большом количестве до группы, в которой работали Ит и Скрипач.

А потом пропала.

Сейчас Ит понял – это было, по всей видимости, такое вот прощание, в стиле Орбели. Они много лет пробыли вместе, они вырастили замечательного сына, и теперь ей снова захотелось чего-то совсем уж странного, вот она и решила, что эти двое гермо ей больше не нужны.

«Я никому не нужен, – думал Ит. – Наверное, я был нужен только Фэбу. Ну почему все – вот так? В чем я провинился?...»

Наверное, в этом теплом южном городе настолько холодно было ему одному, никому больше. Холод разъедал душу, и пересилить этот холод не могло уже ничто – ни теплое солнце, ни люди, ни даже время.

* * *

После ссоры с Лениным Ит стал по вечерам уходить из общежития и возвращался далеко за полночь. Общество грузчиков стало тяготить его все сильнее, хотелось одиночества. Первые дни он бесцельно бродил по окрестным дворам, нигде подолгу не задерживаясь. Контраст, который он видел, был разителен – по сравнению с окружающей застройкой вы-

сотка выглядела, как слон в стае воробьев. Двух- и трехэтажные дома, сто лет не отремонтированные, убогие, обшарпанные... заросшие травой и лопухом дворы... разбитый выщербленный асфальт, узкие грязные каналы, через которые перекинута шаткие мостики, и крапива в человеческий рост по берегам. Лодки и катерки «богатеньких», пришвартованные к утлым мосткам, запах тины и мокрого дерева.

Нехитрое хозяйство живущих тут людей – веревки с белем, грядочки с огурцами и помидорами прямо под окнами, в палисадниках, кое-где – крошечные клумбы, обложенные битым кирпичом, а на клумбах опять нехитрое – настурции, бархатцы, календула...

Вскоре он освоился. Вычислил пару булочных, где всегда можно было взять хлеба, чтобы перекусить, нашел три колонки, из которых можно было напиться холодной, пусть и с привкусом ржавчины, воды.

Постепенно его блуждания даже несколько упорядочились – например, он старательно избегал выходить на берег Яузы, где было слишкомлюдно. Потом начал прихватывать с собой книжку – легко прикинуться, что сидишь и читаешь, если устал. На самом деле Ит, конечно, не читал. Книжка (какой-то старый, истрепанный учебник) была заложена потертой целлулоидной закладкой на странице двести двадцать один. Закладка своего места никогда не покидала.

Спал Ит все хуже и хуже, почти каждую ночь он просыпался от духоты и выбирался на улицу, там становилось по-

легче. Один раз его поймал во дворе почему-то сильно задержавшийся на работе Федор Васильевич и на следующий день учинил форменный допрос, в результате которого Ит снова очутился в палате, где провел в этот раз целую неделю.

– Что вы делаете? – страдальчески вопрошал Федор Васильевич. – Господи, до чего вы себя довели?! Ит, я вас очень прошу, возьмите себя в руки, пожалуйста. Нельзя же так!..

– Почему? – безучастно спросил Ит.

– Да потому, что вы себя в могилу загоните! – в отчаянии ответил шеф лаборатории контактов. – Если вам себя не жалко, то вы хоть нас пожалейте!

– Каким образом?

– У вас депрессия. Вы сами что, этого не видите?

– Ну и что? – вяло удивился Ит. – Ну да. Депрессия.

– О, боже... Ит, вам надо лечиться. И срочно. Вы сейчас выглядите хуже, чем в тот момент, когда вышли из комы, черт побери! Если у вас не получается справиться самостоятельно, то вы должны начать принимать антидепрессанты, снотворное, седативные... Вы опять едите один раз в день, да? Не врите, я же вижу, насколько сильно вы похудели.

– Почему я должен это делать, если я не хочу?..

– Да потому, что я не могу спокойно смотреть, как на моих глазах погибает человек! – взорвался Федор Васильевич. – И в данный момент мне наплевать на то, что вы – гость. Это не имеет значения.

– Даже так?

– Да, даже так.

Ит ничего не ответил. Он сидел на стуле и неподвижно смотрел куда-то на пол у себя под ногами. Граница солнечного квадрата и глубокой тени под массивным дубовым столом...

– Если бы вы хоть как-то смогли начать реагировать. – Голос Федора Васильевича стал просящим. – Ну хоть на что-то. Я вас очень прошу, начните принимать препараты. Сейчас хотя бы недельку пролечим, отдохнете и выспитесь, а потом...

– Я не хочу, – ответил наконец Ит. – Можно, я пойду?

– Куда?..

– Куда-нибудь. Не знаю.

Отсюда. Ответ был – отсюда, но Иту он в тот момент просто не пришел в голову.

– Никуда вы не пойдете.

Снова палата. Снова одиночество и закрытая дверь. Таблетки он просто оставлял на тумбочке, а еду, чтобы не приставали, стал выбрасывать. Спать в палате было действительно полегче, поэтому спал он много, но все равно через неделю, когда Федор Васильевич разрешил вернуться вниз, в общежитие, Ит испытал даже какое-то облегчение из-за осознания простого факта, что от него наконец отстанут.

Вечером того же дня он снова отправился бродить, прихватив неизменную книжку. После недели почти что полной изоляции город показался ему излишне шумным, и Ит вско-

ре свернул с привычного маршрута и побрел куда глаза глядят, лишь бы было поменьше людей. Случайно забрел в какой-то новый двор, и вдруг...

Запах.

Ит остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Этот запах...

Голова закружилась. Ит дернулся, пробежал несколько шагов и снова остановился, растерянный, чувствуя, как в душе поднимается волна обиды.

Всего лишь цветы. Маленькая клумба, которую кто-то соорудил в центре двора. Желтый лилейник, несколько вялых колокольчиков, бархатцы, кустик душистого табака. И по центру – совершенно неуместная тут крошечная елочка, на удивление живая и зеленая.

Но запах... нет, конечно, запах был просто немного похож, но для Ита он стал весточкой с того света. Словно тут, в этом дворе, побывал Фэб – побывал и ушел, навсегда, навечно, но его след остался в воздухе в виде едва слышного цветочного аромата.

В углу двора отыскалась старая, обшарпанная лавочка. Ит без сил опустился на нее, чувствуя, что душу словно бы расковыривают ржавым гвоздем. Одиночество, к которому он уже привык, вдруг обострилось, словно бы вышло на первый план – а раньше его уже почти что скрыла под собой апатия и полное равнодушие.

Он сидел долго, положив на колени никчемную книжку, не в силах находиться тут дальше и не в силах уйти. Уже практически ночью, когда на город спустилась темнота, Ит сумел наконец встать и кое-как добрел обратно до высотки.

Следующий вечер застал его в том же дворе.

И следующий – тоже.

Пару раз его пытались прогнать какие-то бабки, но вскоре отстали – одной он поднес тяжелый таз с бельем до веревок, другой сходил за хлебом, третьей помог найти внука, спрятавшегося от справедливого возмездия за разбитую банку с вареньем в дровяном сарае... Вскоре к нему привыкли, как привыкают к новому предмету, и перестали гнать. Даже наоборот, начали подкармливать и интересоваться новостями. Ит честно объяснил, что он не местный, что работает в высотке грузчиком, что ребята сильно пьют, а он непьющий... дальше пришлось врать, и он соврал, что хочет поступить в институт, а заниматься негде – вот, нашел этот двор, и если вы позволите... Ему позволили.

С тех пор Ит стал ходить в этот двор каждый вечер, как на свидания. Нет, ему не стало легче от этих походов, наоборот, тоска сто крат усилилась, и теперь Ит начал думать, что, наверное, в один прекрасный день он тут и умрет.

«Хоть что-то, – думал он. – Пусть хоть что-то у меня будет напоследок. Рыжий тогда сказал, что невозможно жить с половиной души. А с четвертью – можно? Да нет, конечно. Хорошо, что меня никто не сумеет заставить остаться».

День за днем он сидел с книжкой на лавке — и день за днем все глубже погружался в состояние невозврата, в бездну, из которой не было никакого выхода.

Утро. Пресса, газеты, этажи, почтовые ящики...

День. Жара. Пробирки, мыши, мат-перемат, позвякивание стекла, лабораторные запахи, «сюда поставь», «ой, это не нам, это в физиологию», «да куда ты прешься, не видишь, что ли, занят стол!»...

Вечер. Косые лучи солнца в столовой, бряцанье ложек и вилок, гул голосов, полтарелки каши, стакан компота, «ты куда?», «пойду, пройдусь», дворы, каналы, лодки, крапива, асфальт, разбитый поребрик рядом с привычным уже поворотом, «здравствуйте, баба Лера, а я опять к вам»...

Все. Теперь можно сидеть и чувствовать, как светло и незаметно уходит в небо опустевшая и осиротевшая навечно душа...

* * *

Скрипач появился в один из «стекляшкиных дней», когда грузчики, дождавшись машины, растаскивали деревянные занозистые ящики по лабораториям. Вместе с химической посудой прибыло еще и оборудование, поэтому Ленин, с минуту покумекав, распорядился, чтобы Сенька и Гриша тащили очередной неподъемный «гребаный синхрофазотрон», а Иту поручил растаскивать легкие ящички с колбами и чаш-

ками Петри, «потому что эти козлы опять все перебьют». Ит покорно кивнул, Сенька с Гришей тоже, и разгрузка началась. Потом грузчики взяли вдвоем тяжелый ящик, Ит – два ящика с пробирками, и они все вместе отправились в здание.

– Пошли через главный вход, – предложил Сенька. – Там лифт ближе. Я эту хрень на шестой этаж по лестнице не попру.

– Пошли, – согласился Гриша. – Ит, тебе на какой?

Ит заглянул в сопроводительный лист.

– Девятый, – ответил он. – Ребят, может, помочь?

– Ой, заткнись, поможешь ты... – проворчал Гриша. – Сень, давай. Раз, два, три, взяли!..

Ящики были объемными, но легкими. Ит, прижимая подбородком к верхнему ящику сопроводиловку, шел следом за Гришей и Сенькой, с пыхтеньем тащившими здоровенный деревянный короб. Зашли в холл, остановились передохнуть и поменяться. Ит по привычке глянул вверх. Там, в обрамлении лепнины, виднелась то ли мозаика, то ли просто картина, плафон – трое детей запускают в небо игрушечный планер. Иту картина почему-то нравилась, и он всегда, если оказывался в этом холле, на нее смотрел. И сейчас посмотрел. А когда опустил глаза...

Сначала он не понял, почему ему знакома фигура человека, стоящего у высокой арочной двери из дерева и стекла. Человеку в спину било летнее солнце, и фигура его казалась силуэтом, но даже от этого силуэта все мысли вдруг ра-

зом исчезли. Несколько секунд человек стоял неподвижно, а затем быстрым решительным шагом направился в сторону грузчиков. Звук шагов эхом отдавался в пустом по дневному времени холле...

Молча.

Сначала с правой, без размаха, в скулу.

С левой, по корпусу.

Ящики, жалобно звякнув, летят куда-то в сторону.

В лицо, в левую бровь, с правой, и почти одновременно – в челюсть с левой. Брызги крови, резкая боль – мыслей нет.

Новая серия ударов, коротких, тяжелых, – уже куда придется. Головой об стену, подножка, пол, и все новые и новые удары, теперь уже ногами.

Пустота.

– Эй, мужик, ты чего, охренел?!

– Ты чего делаешь?!

– Сень, зови милицию, там патруль стоял!..

– А ну, оставь его, сука! Ты че?!

Секундная передышка, чей-то короткий сдавленный вскрик в стороне, и снова – удар ногой по ребрам, а затем – по голове, и мир куда-то уплывает, но слишком быстро, не разобрать куда...

Следующий кадр – сквозь заливающую глаза кровь: мутный силуэт, чьи-то трясущиеся руки, ощупывающие голову, срывающийся голос:

– Боже мой... Господи... Что случилось?! Ит, очнись!..

Боже мой, весь переломан... это еще откуда?! Ит, ну очнись ты!.. Ну прости, я сорвался, и... Господи, да что ж такое... как же это...

Сначала – сесть. Оттолкнуть рукой это все – просто чтобы не было. Сесть, потом встать, опираясь о стену. Вытереть кровь, заливающую правый глаз.

И сказать единственное слово, которое возникло в голове. Единственное, потому все другие слова и мысли ушли куда-то и никогда уже не вернутся обратно. Одно слово. Первое и последнее.

– Уходи, – хрипло сказал Ит, не глядя на Скрипача. Потом повернулся и побрел к лифтам.

– Ит...

За спиной – шум, шаги, гневный крик: смотри, чего сделал, сука!.. Товарищ сержант, он человека избил, просто напал вообще, падла, тварь... Он мне нос сломал, мразь такая!.. Ит, подожди! Да скажи ты им!.. Возня, мат, гневные голоса Федора Васильевича и Данилы (откуда они тут?), зато впереди – спасенье, красный огонек лифта, с лязгом открывшиеся двери... Ит, постой!!! Ишь, какое отчаяние в голосе, совсем заврался... все, хватит, хватит, хватит... черная кнопка, на которой написано белой эмалью короткое неприличное слово, закрывшиеся за спиной двери, натужное гудение мотора, скрип троса, слабый электрический свет, и голоса остаются там, внизу. Всё – внизу. Всё.

Всё.

– Голова не кружится?

– Нет.

Три шва на бровь, один зуб в минусе, хорошо, хоть не спешит, и даже ребра целы – ни трещин, ничего. Ссадин много, это да. Синяков еще больше.

– Что он от вас хотел, Ит?

– Не знаю, – безучастно, безразлично, с неохотой.

– Может быть, вам все-таки стоит попробовать поговорить с ним? – Федор Васильевич озабочен и печален. – Ведь не просто так он пришел, согласитесь...

– Я не хочу.

– Почему?

– Не хочу.

– Это не причина.

– Это причина. Я не хочу с ним говорить. Я ни с кем не хочу говорить.

– Почему?

– Просто не хочу.

За окном – закат над городом. Солнце тонет в заливе, крыши словно обьял золотой огонь.

– Может, стоит все-таки попробовать?

Молчание – ответом, и ничего больше.

– Ладно, как хотите.

– Ит, пожалуйста. Я тебя очень прошу.

Главное – не поворачиваться. Удобная кровать у него в результате, у стены. Можно отвернуться, зажать уши руками и – не поворачиваться. Если не поворачиваться, то он уйдет. Рано или поздно – уйдет. Это главное.

– Ит, я тебя прошу...

Рука на плече. От прикосновения передергивает.

– Ит...

Главное – терпеть. Если еще какое-то время потерпеть, он уйдет. В прошлый раз ушел. И в позапрошлый – тоже.

Рука исчезает.

– Выслушай меня, пожалуйста.

Где-то в глубине, под ребрами – тяжелая ледяная глыба. Огромная. Любые слова – как муравьи на этой глыбе. Ничего не могут сделать, но раздражают. Хочется, чтобы их не было.

– Пожалуйста, поговори со мной. – В голосе настоящая мольба, отчаяние, но что голос? Ничто в сравнении с ледяной глыбой.

Пусть голос молчит. Пусть он уйдет.

Господи, пожалуйста, пусть он уйдет.

– Ит, за что?... За что ты со мной – вот так?..

Ни «за что». Ни «за что», а «потому что».

Потому что я хочу, чтобы никого не было.

Тяжелый вздох, шорох, шаги. Хлопает дверь.

Подождать несколько минут, и можно повернуться на спину. Повернуться и просто полежать, чувствуя, как взбаламученный на дне души ил оседает и все становится привычным и простым, как того и хочется.

В первый раз Скрипача удачно прогнали грузчики. Сенька долго орал на него в коридоре и за сломанный нос, и за избитого Ита. Потом Скрипач с грузчиками вроде бы договорился, его стали пускать – и началось самое черное время, которое только можно было себе представить.

Скрипач приходил. Не каждый день, но приходил.

Сначала он поймал Ита вечером у входа в столовую. После этого Ит в столовую ходить перестал, хорошо хоть Ленин это заметил и стал притаскивать ему то пирожок, то бутерброд. Кажется, Ленин один из всей бригады хоть как-то, но понимал Ита и на походах поесть не настаивал.

Потом Скрипач стал приходить в общежитие, и тут житья Иту не стало уже совсем – до того, как он догадался удирать в город сразу после разгрузки. Скрипач через несколько дней достал его и там – хорошо еще, что не в любимом дворе, а неподалеку.

От его появлений делалось все хуже и хуже. Ит и так чувствовал себя неважно, а от постоянной погони и желания остаться в одиночестве делалось совсем уже плохо. Он почти перестал спать, вздрагивал от каждого шороха, а если и засыпал, то вскоре просыпался в ужасе, что сейчас снова при-

дется слышать этот ненавистный голос.

Он окончательно замкнулся в себе, максимум, что окружающие могли от него добиться, — это односложные ответы на какие-то бытовые вопросы. Ленин снял его с разгрузок — толку от Ита не было никакого, от усталости, бессонницы и недоедания у него все валялось из рук.

А потом Скрипач вдруг пропал.

Совсем.

Неделю Ит никак не мог в это поверить и продолжал по привычке затравленно озираться, но Скрипача не было. Затем его вызвал Федор Васильевич и объяснил, что Скрипач уехал и скорее всего больше не появится.

— Правда? — спросил тогда Ит.

— Правда, — заверил его Федор Васильевич. Выражение на лице у него было странное — смесь горечи и чего-то еще, чего именно — Ит так и не сумел разобрать. — Если хотите, можете отдохнуть в палате. Хоть отоспитесь. Тем более что в двери есть замок, если вы помните.

— Нет, спасибо, — ответил он. — Я лучше... там.

— Если вы не возражаете, я бы хотел побеседовать с вами. — Федор Васильевич сел напротив Ита за стол, взял карандаш и принялся вертеть его в пальцах. — Ит, мы за вас боимся. Если вы будете продолжать в том же духе...

— Со мной все в порядке. — Пришлось сделать над собой усилие, но сейчас он защищал тот фрагмент жизни, который не хотел отдавать, и слова послушно откуда-то появились. —

Я просто не хочу с ним общаться, вот и все.

– Дело не в этом. У вас стало меняться поведение. Поймите, это уже серьезно. Если раньше вы были все-таки адекватны, то сейчас...

– Со мной все в порядке, – спешно заверил Ит, не замечая, что повторяется. – Мне просто... мне так проще. Понимаете, я...

– Ну? – Федор Васильевич внимательно посмотрел на него. Ит смутился, опустил глаза.

– Я хочу быть один, – глухо произнес он. – Разве я о многом прошу? Я просто хочу быть один. Что в этом такого?

– Ничего, если не принимать во внимание то, в каком состоянии вы в результате находитесь. Оставайтесь в палате хотя бы до завтра, ладно?

– Ладно, – сдался Ит. Он понял, что сейчас проще уступить, чем потом выдерживать новую битву за свое право на одиночество.

– Вот и хорошо. А там посмотрим...

На поверку смотреть оказалось не на что.

На следующий день Ит вернулся обратно в общежитие, и жизнь потянулась дальше, точно такая же, как и прежде. С той лишь разницей, что теперь она с каждым днем становилась чуть короче. Ит понял, что медлить больше нельзя, и ледяная глыба у него внутри стала тихонько расти. Почти незаметно – со стороны. Но он уже знал, что случится, когда глыба заполнит его целиком. Знал и ждал этого.

Снова двор, снова столовая по вечерам, снова те же лица.
Снова дебаркадер и оружий речной трамвай.
Снова, снова, снова...

Круг превращается в воронку, по воронке бегают шарик, который в результате обязательно окажется где? Правильно. В устье.

Так должно быть.

* * *

Прошло три месяца.

И через три месяца Скрипач пришел снова.

Ита, после очередного обморока на дебаркадере, грузчики в тот день чуть не пинками загнали в общежитие, и Ленин приказал ему «сидеть тут, а не то такое устрою, что небо с овчинку покажется». Вот Ит и сидел. Именно сидел, на своей кровати у стены. Сидел и ждал вечера, чтобы сходить в столовую, дожидаться, пока Ленин и другие грузчики напьются, и уйти в свой двор. Неизменный учебник лежал на тумбочке рядом с кроватью, Ит безучастно смотрел на край целлулоидной закладки и не сразу понял, кто именно вошел в комнату. А когда понял, растерялся. И просто не успел отвернуться.

Скрипач стоял на пороге. Выглядел он совершенно иначе, нежели чем три месяца назад. Он загорел, был одет в белую майку, синие линялые джинсы и в высокие, чуть не до колен,

берцы со шнуровкой. Майку крест-накрест пересекали две широкие стропы, на которые было нашито несчетное количество карманов, побольше и поменьше. На одном из карманов Ит с удивлением разглядел эмалевый значок, на котором было написано, что его владелец, ни много ни мало, шофер-дальнобойщик третьего класса. На поясе виднелась небольшая ладная кобура. Не пустая.

В руках Скрипач держал объемистый мешок с брезентовыми лямками.

– Так, – начал он, не здороваясь. – Переодевайся – и пошли. Порезвее, люди ждут.

Ит отвернулся.

– Я три раза говорить не намерен, – твердым голосом сказал Скрипач. – Мне велели тебя забрать, потому что твое начальство тебя больше видеть тут не желает. Поэтому оделся быстро и пошел со мной, ясно? Или хочешь повторения того, что было у лифта?

Он бросил мешок на кровать рядом с Итом и отступил в сторону.

– Я сейчас отвернусь, – предупредил он. – Не вздумай сигануть в окно. Там стоит Ленин с монтировкой, предупреждаю сразу. Он, в отличие от меня, церемониться не станет.

Ит молчал.

– Считаю до трех. Или ты переодеваешься, или я тебе надаю по морде. Все, шутки и разговоры кончились.

Ит неуверенно потянулся за мешком, развязал его и за-

глянул внутрь. Такая же майка, штаны, ботинки... стропы с карманами. Снаряжение? Наверно. Он вынул вещи из мешка и неприязненно посмотрел на Скрипача. Тот демонстративно отвернулся и принялся что-то тихо насвистывать себе под нос. Ит переоделся, снова сел, положив рядом с собой опустевший мешок. Скрипач снова повернулся к нему.

– С собой что-то берешь? – Ит отрицательно покачал головой. – Книжку, чашку, трусы, носки, фотографию Ленина в анфас? Ну?

Ит сунул в мешок учебник с целлулоидной закладкой, белье из тумбочки и чашку с отбитой ручкой. Скрипач осуждающе покачал головой, но смолчал. Ит завязал мешок и положил его себе на колени.

– Чего расселся? Отрывай жопу от койки – и пошли, – велел Скрипач. – И ты что, так и будешь молчать?

Ит снова ничего не ответил.

– Ну, молчи, молчи, – покивал Скрипач. – Посмотрим, надолго ли тебя хватит. По дороге смыться тоже не пытайся, потому что я тебя поймаю и измочалю так, что места живого не останется. Все понял? Молодец. Вперед.

Вместе они вышли из общежития и направились через площадь к маленькой пристани, расположенной на пересечении Яузы и Москвы-реки. Возле пристани обнаружился рейсовый катерок, готовый с минуты на минуту отправиться, – Скрипач сначала чуть ли не силком впихнул на трап Ита, а потом запрыгнул в катер сам, и катер тут же отчалил.

Ит только и сумел, что беспомощным взглядом проводить шпиль удаляющейся высотки.

Если он о чем и жалел в тот момент, то только о покинутом дворе, в котором цвел душистый табак да стояла маленькая елочка...

* * *

На место прибыли затемно, катер долго, почти полтора часа петлял по каналам, люди сходили и заходили, а им, как оказалось, предстояло плыть до последней пристани, после которой катер начинал обратный маршрут. Сошли, Скрипач взял у Ита мешок с вещами, закинул себе за спину.

— Дальше пешком, с полчаса где-то, — предупредил он. — Ничего, потом насидишься. Давай, шевелись, черт тебя подери!

Ит, до сих пор толком не пришедший в себя после дневного обморока и столь стремительно развивающихся событий, смотрел куда-то в сторону, уже окончательно переставая понимать, что же происходит и чего от него хотят. Они запетляли по дворам, потом вокруг потянулась промзона, склады, покосившиеся заборы, запахло мазутом и соляжкой.

Свернули за очередной угол, и...

Такого Ит не ожидал. Он невольно остановился и с удивлением уставился на открывшуюся перед ним панораму.

Пространство по вечернему времени было освещено

мощными прожекторами, стоящими на вышках, и в свете этих прожекторов Ит увидел величественную картину – десятки огромных машин с колесами в два человеческих роста. Машины были тускло-желтого цвета, с непомерного размера кузовами, нависавшими над казавшимися крошечными кабинами. Грузовики пугали и завораживали. Когда Ит разглядел людей, проходящих с ними рядом или поднимающихся по лесенкам в кабины, он понял, что из-за освещения сначала даже приуменьшил их размер. Между гигантами сновали обычные машины, типа тех, что привозили в институт пробирки и мышей. В сравнении с желтыми монстрами они казались просто карликами.

– Это Московский международный грузовой терминал. А машинки называются «БЛЗ», – пояснил невозмутимо Скрипач. – Я на них работаю. Если ты не понял, ты теперь тоже на них работаешь. Наша машина в колонне третья, и я еще, для справки, в этой колонне радист. Всего идет восемь машин. Да, если посмотришь налево, то там стоят «Сциллы», вон, видишь? Зеленые такие... Это в данном случае – турецкий караван на разгрузке. Идем мы, между прочим, в Турцию, чтобы ты знал. Так, дальше. Сейчас познакомимся с главным караванным, зовут его дядя Коля, и мужик он строгий, учти это сразу. Стой молча, кивай, если спросит – ответь что-то подходящее. Если ответишь не подходящее... будет продолжение сцены у лифта. Управлять машиной научу в процессе, там ничего сложного, это тебе не секторальная станция. Все,

пошли. Через полтора часа караван выходит, надо торопиться.

Дядя Коля к Иту особенного интереса не проявил. Он оказался крепким коренастым мужиком лет сорока-пятидесяти, таким же загорелым, как Скрипач, и с точно такой же амуницией, разве что значков было два – один шофера первого класса, второй – старшего караванного. Спросил про спиртное. Ит честно ответил, что не пьет. Дядя Коля удовлетворенно хмыкнул. Потом спросил про двигатели – Ит начал было рассказывать, но караванный лишь махнул рукой, мол, все ясно, знаешь.

И они пошли к своей машине.

* * *

– Так. Рассказываю. Вот это – подсобная. Там сортир. Инструмент вот в этом шкафчике. Если что-то взял, то после того, как воспользовался, верни на место. Не вернешь – Коля голову оторвет, он за этим лично следит. Теперь водительская...

Скрипач открыл узкую дверь, и они вошли внутрь тесной кабины.

– Сегодня ночью будешь сидеть рядом, смотреть, как веду. – Скрипач говорил короткими рублеными фразами. – Колонна идет почти без остановок, поэтому спать приходится по очереди.

Он отодвинул занавеску, расположенную позади сидений водителя и пассажира. За ней обнаружилась узкая полка, застеленная полосатым матрасом. Второй матрас лежал свернутым в головах.

– Раньше со мной Егор ходил, так этот ублюдок спер белье, когда его уволили, – пояснил Скрипач. – Мне оно как-то без надобности, поэтому всяких простыней с наволочками нет. Дальше. Первая остановка будет перед Крымским хребтом, там тоннель, который положено идти без перерыва. Вторая – в кемпинге на дамбе, это уже в Черном море. И третья – Стамбул. Обратно – тем же порядком. Иногда вставем на поломки, но это уж как получится.

Он пролез на водительское место, защелкал переключателями. Сначала засветилась приборная панель, потом – под потолком кабины зажглась тусклая лампочка.

– Смотри сюда, – приказал Скрипач. – Запоминай. Датчики: тахометр, масло, горючка, скорость. Вот эта панель – кузов. Там гидравлика и шлюзовые замки, это я потом объясню, в процессе. Понятно?

Ит слабо кивнул.

– Хорошо, – одобрил Скрипач. – Скоростей у «БЛЗ» всего четыре – три вперед, одна назад, но лучше бы тебе никогда не узнать, как эту дуру назад двигать, при таком размере, инерции и ответе на руль. Учти, на руль они запаздывают сильно – крутанешь, а поворачивать оно начинает секунд через десять, а то и больше. Сцепление с двойным выжимом,

это я покажу... Что еще?

Скрипач задумался, почесал подбородок.

– А, ну да, – сообразил он наконец. Полез в бардачок, вытащил из него завернутый в бумагу пакет и протянул Иту. – Это твое.

Ит, помедлив, развернул бумагу. В ней оказался пистолет, кобура, портупея и значок шофера шестого класса.

– «Терьер». – Скрипач взял пистолет, покачал на ладони. – Весьма удачная машинка, замечу. Пристреляешь на первой большой остановке. Положено носить с собой заряженным. Патроны в бардачке, три коробки. У меня такой же. Еще тут есть автоматы, они в карманах на дверях, магазины там же. По одному на оружии, и по два запасных. Патроны, пока мы на нашей территории, в подсобной кабине. Перейдем границу – перенесем ящик сюда. Так положено.

– Зачем? – впервые за все время спросил Ит.

– Затем, что на караваны нападают, и чаще, чем хотелось бы. – Скрипач повернулся и продемонстрировал длинную царапину на левом плече, правда, уже давно зажившую. – Это с позапрошлого рейса. А здорово было бы, если бы в голову попали, правда? – ехидно спросил он. – И мне хорошо, и тебе не мучиться...

Ит не ответил, отвернулся.

– Собственно, экскурс пока что закончен, – подвел итог Скрипач. – Рейс простой, короткий, освоиться – как делать нечего. Все, ждем команду, и по коням.

Следующие дни превратились для Ита в настоящий кошмар. Спать толком он не мог, есть не получалось вообще – мутило, болела голова. Когда вел Скрипач, Ит садился не рядом с ним, а на пол. Он забивался в самый дальний угол, в узкий простенок между креслом и дверью кабины. Сидел и неподвижно смотрел в темноту под приборной панелью. В темноте было спасенье, но спасенье теперь не приходило – только смертельная глухая тоска и ожидание окончания этого безумия, ничего больше. Когда вел он сам, мысли целиком и полностью отнимала дорога – плавно покачивающийся впереди кузов «БЛЗ-2», идущего впереди, тонкий потерянный руль под руками, педаль газа под правой ногой, пустое небо в вышине, наполовину перекрытое козырьком кузова, и пейзаж по сторонам, на который Ит не обращал ровно никакого внимания.

Дошли до хребта, встали на стоянку – целых двенадцать часов отдыха. Мужики-водители, с которыми Ит еще не был знаком, отстегнули один из трехместных скутеров, имевшихся при каждом «БЛЗ», сгоняли в соседствующий с кемпингом поселок и вечером затеяли шашлыки из баранины. Дядя Коля зорко следил за тем, чтобы не пили, но никто и не пил – после того, как старший караванный вышвырнул из колонны пьянчужку Егора, все осторожничали.

Потом были почти сутки в тоннеле, где Скрипач Ита к управлению не допустил и правильно сделал. Колонна шла медленно, максимальная скорость в тоннеле позволялась не более двадцати километров в час, но на практике никто и никогда не разгонялся выше десяти. Тоннель, прорытый под старыми горами, извивался и петлял так, что Ит в своем нынешнем состоянии неминуемо угробил бы машину. Только после того, как колонна вышла наконец на ялтинский тракт, Скрипач передал управление Иту, а сам полез на койку за занавеску – отсыпаться. И проспал до самой дамбы.

Вышли в море. Возможно, в других обстоятельствах Ит бы удивился тому, что увидел, но сейчас ему было совершенно все равно, что вокруг. Его не удивила ни пятиметровой высоты широченная дамба, покрытая выщербленным бетоном, ни светлые отмели по ее сторонам. Весело перешучивались по рациям про что-то свое другие водители во время переключки, вокруг колонны носилась стая чаек, кто-то сокрушался, что оставил дома удочки (вот бы рыбки половить в кемпинге!), кто-то сетовал, что не обменял рубли на турецкие лиры по хорошему московскому курсу, а еще кто-то рассказывал на всю колонну пошлейший анекдот про тетку и асфальтовый каток.

Через несколько часов проснувшийся Скрипач выгнал Ита из-за руля и присоединился к болтовне. После долгих уговоров с большой неохотой согласился расстаться с частью обменянных лир, выклянчил у четвертой машины тормоз-

ной жидкости для скутера, поржал над анекдотом и сказал, чтобы ему напомнили в Стамбуле про аккумуляторы для раций шестерки, которые обадохнут, а заменить не на что.

– Иди спать, – неприязненно приказал он Иту. Тот в ответ промолчал, снова забился в угол и уже привычно закрыл голову руками.

Они не разговаривали. Скрипач больше не пробовал обращаться к Иту, а тот ни о чем не спрашивал. Между ними так и остался вопрос, заданный Итом в первый день – зачем? Действительно, зачем?

Зачем вообще все это?

Последнее издевательство перед тем, как все кончится?

А ведь есть еще «терьер» в новенькой скрипящей кожаной кобуре. Единственное, что Ит сделал за все это время по собственной воле – это привел в порядок оружие. Сказывалась привычка, привитая Фэбом еще во время учебы: оружие обязано быть в идеальном состоянии. Не важно, собираешься ты его использовать или нет.

Мысли бродили хаотично, но мысль про «терьер» пусть изредка, да возникала. Может быть, позже. Как получится. Если станет совсем уж неважно.

* * *

Через восемнадцать часов вышли наконец к кемпингу. Собственно, кемпингом это сооружение, сложенное из бе-

тонных блоков, порядочно изъеденных штормами, можно было назвать с большим трудом. Шоферы чаще называли его связкой – десять камор, соединенных общим коридором, с узкими дверями и окнами-бойницами, на случай шторма. В маленьких девятиметровых комнатах стояло по две железные, вделанные в пол кровати с продавленными панцирными сетками, да железные же столы с забетонированными ножками – чтобы не сперли. Вот и весь комфорт. Однако после тесной кабины и такой комфорт был в радость, ведь на кровать можно бросить матрас и со вкусом хорошенько выпастаться. Все лучше, чем узкая койка в кабине.

Сначала, конечно, сварганили хороший ужин – гречка с тушенкой, консервированный вишневый компот. Потом разбредись кто куда. Трое заядлых рыбаков пошли посидеть на дамбе с удочками, дядя Коля с Ванечкой (кто такой этот Ванечка, Ит так и не понял) захватили какие-то бумаги и заперлись в своей комнате, а остальные затеяли игру в городки – у кого-то нашлись рюхи и бита. Играли на интерес, ставя по десять копеек на кон, матерились, хохотали... Скрипач тоже куда-то подевался.

Ит все это время просидел под стеной, с другой стороны связки, на песчаном наносе. Скрипач появился, лишь когда солнце стало закатываться.

– Бери матрас, пошли, – приказал он. – Поживее, а то закроют, и останешься тут до утра, а это запрещено.

Караван, дамба Ялта/Стамбул
Лучшее место на Земле

– Света тут нет, – безучастным голосом сказал рыжий. – Разувайся, пока шнурки видно.

Ит покорно расстегнул пояс со снаряжением, положил его на пол рядом с ножкой железной обшарпанной кровати. Развернул матрас, сел, нагнулся и принялся расшнуровывать берцы. Шнурок на правом затянулся в очередной раз каким-то нелепым узлом, и пришлось с ним основательно повозиться. Кое-как стащив ботинки, он наконец разогнулся и...

...и увидел, что в лицо ему смотрит черное пистолетное дуло.

– А теперь снимай штаны, – приказал Скрипач.

– Что?.. – Ит опешил.

– Что слышал. Снимай штаны, сволочь.

Дальнейшее заняло от силы полторы секунды, выглядело примерно следующим образом.

Раскадровка.

Ит:

«Выбить пистолет, можно успе...»

Скрипач:

«А еще медленнее – сумеешь?»

Счет по очкам.

Ит:

Выпад, бросок, минус доля секунды – здравствуй, кома.

Снимаются три очка.

Скрипач:

Сдвинуться в сторону на тридцать сантиметров, подождать, перехватить пистолет за дуло и несильно, но точно – в висок. Плюс пять очков и звездочка в таблице.

Ит:

...черт, а это больно...

Спустя минуту он очнулся от того, что с него в одно движение содрали джинсы вместе с трусами, молния царапнула по ноге. Мысли: «Так вот почему он велел разуться... что происходит?!» Заметив, что Ит шевельнулся, Скрипач тут же проворно перехватил его левую руку и заломил ее за спину, одновременно наматывая на кулак другой руки волосы и заставляя повернуться к себе спиной. Затем – сильный удар коленом, и вот Ит уже лежит грудью на железном столе, с левой рукой, взятой в болевой прием (стоит только двинуться, и от боли начинает темнеть в глазах и перехватывать дыхание), а сзади...

– Раздвинь ноги, сука. – Голос неприязненный и брезгливый. Удар берцем сначала по одной голени, потом по второй. – Давай, давай. А то еще хуже будет.

Хуже?!

Дальнейшую чудовищную мерзость Ит не сумел даже толком осознать. Это было дико больно, до тошноты отвратительно и унижительно настолько, что сознание автоматически начало блокироваться от происходящего – вместо нормальных мыслей получались только какие-то бессвязные обрывки, зачастую не несущие никакой смысловой нагрузки. Он же когда-то говорил, что про это читал... и что вот такое может романтизировать только совершенно извращенный и до края порочный мозг... Боль не имела локации – плечо словно жгло адским огнем, и этот огонь от малейшего движения разливался по всему телу. Внезапно мелькнула мысль, связная и здравая, – после этого можно только застрелиться. Пистолет в кобуре валяется на полу, рядом с кроватью. Когда все это кончится – а ведь оно не может продолжаться вечно, да? ведь не может? правда? – нужно будет как-то взять пояс со снаряжением, выйти на улицу и пустить себе пулю в лоб. Нет, лучше в рот. Или в висок. Как получится...

Скрипач дернулся, Ит тоже. Боль в плече стала на секунду настолько невыносимой, что Иту почудился треск разрываемых сухожилий. Он зашипел сквозь зубы, не в силах больше молчать, – и тут же получил ладонью по затылку. Попробовал наугад ткнуть куда-то в пространство правой рукой – и по руке, по локтю, пришелся второй удар.

– Заткнись... не ори, сука... и не рыпайся... попробуй только заорать, убью!

И буквально через несколько секунд все кончилось. Ру-

ку Скрипач так и не отпустил, но стало чуть легче. Скрипач снова намотал на кулак его волосы и заставил разогнуться – на это ушло секунд тридцать, потому что Ит все никак не мог справиться с болью в сведенных мышцах.

– Если ты обещаешь не орать, я отпущу руку, – предложил Скрипач.

«Если тебя насилует кто-то, кто сильнее, не оказывай сопротивления – это шанс, что тебя, возможно, оставят в живых».

Ит через силу кивнул.

Скрипач хмыкнул, но руку отпустил. Она повисла плетью, Ит произвольно вскрикнул и схватился за искалеченное левое плечо. Скрипач развернул его к себе лицом и с интересом посмотрел в глаза. Ит опешил еще больше – взгляд был участливый и серьезный.

– Нам надо поговорить, – как ни в чем не бывало, сообщил Скрипач. – Пойдем, присядем.

Все еще держа Ита за волосы, он доволол его силком до кровати и повалился на матрас, увлекая того следом за собой.

– Ложись поудобнее, – миролюбиво предложил он. – Ложись, ложись. В ногах, как говорится, правды нет.

«Что он еще... Господи, пожалуйста, пусть это кончится, – одной рукой удерживает зачем-то больную руку, а другой... может быть, хочет заблокировать правую... наверно... – Господи, лучше бы мне никогда не выходить из комы, а

остаться в ней навсегда...»

– Ты, конечно, говорить не захочешь. – Скрипач, по всей видимости, счел наконец, что его все устраивает. – Поэтому придется говорить мне. Придется – ведь нужно кое-что тебе рассказать, ты в некотором смысле не в курсе. А событий-то на самом деле было порядочно. Знаешь... когда ты это сделал, я же до дома дойти не успел. И повернуться тоже. Но даже так... это было в своем роде зрелищно. Чудовищная вспышка за спиной, и раскаленный ветер, у меня даже волосы обгорели на макушке. – Скрипач усмехнулся. – Я бросился обратно и увидел... там земля кипела, как лава в вулкане. Сейчас на этом месте, рядом с могилами, такое... как бы правильно сказать... черное стекло, проплешина где-то в метр толщиной и метров десять в диаметре. В общем, я туда кинулся, орал что-то... не помню, что именно. Народ появился не больше чем через три минуты, все тоже орут, спрашивают, что случилось, а я... у меня в голове была только одна мысль в тот момент – я его убил. В прошлой жизни чуть не убил, а в этой убил. Морис с Леоном, конечно, оказались в первых рядах – и с ходу определили, что был выход в Сеть и что все по классике – и пробой в поле, и подъем температуры практически до звездной... в общем, все, кто там был, в один голос сказали с уверенностью, что ты погиб.

Его правая рука скользнула по боку Ита, медленно проехала вверх и остановилась где-то на груди. Ит было напрягся, но рука больше не двигалась.

– Что я тогда чувствовал... нет, словами этого не передать, пожалуй. С неделю я там сидел, рядом с могилами и с этой проплешиной, в дом ходил только пить, да и то лишь когда про это вспоминал. Помнишь, Фэб когда-то рассказывал, что чувствовал и делал после смерти Гиры и экипажа? Ну так это было примерно то же самое, с той лишь разницей, что вместо него оказался я, и он, бедняга, конечно, в жизни своей ничего подобного тому, что я сделал, не делал. Через неделю я все-таки начал перебираться на ночь в дом, но только потому, что хотел умереть там, а не на могилах – такой вот странный бзик. Кто-то приходил, уходил... Атон, Эдри, Морис с Леоном... еще через пару недель Таенн из рейса вышел, к тому моменту с планеты уже, кажется, сняли карантин, и... а, ладно, это не важно. Таким порядком прошел месяц или даже больше, кажется. А потом...

Рука Скрипача снова ожила – тихонько двинулась к горлу Ита, а затем плавно поползла вниз и снова замерла, но уже чуть пониже солнечного сплетения.

– Потом пришел один мужик из Мастеров и сказал, что со мной хочет поговорить новый парень из их команды. Мне в тот момент было все равно, и я согласился – почему бы и нет? Ну, на следующий день прилетает ко мне парнишка оттуда... Мастер Путей, как я понял. Позывной у него «Алькор», вот он мне этим самым Алькором и представился. Смешной такой на первый взгляд мальчишка. На вид лет двадцать, волосы белые, совсем как у нашего Леоны, но глаза не красные,

а такого орехового оттенка, то ли зеленые, то ли карие, и не поймешь. Прилетел, значит, походил вокруг этого стеклянного пятна, а потом и говорит – знаете, теоретически я мог бы поискать, куда он попал, но мне для этого нужно на какое-то время оставить где-нибудь физическое тело. Можно его в доме положить?

Я стою, как идиот, и киваю. Он уходит. Я продолжаю стоять. Потом мне надоело, захожу в дом – и обнаруживаю, что этот поганец положил это свое тело на диван в гостиной, и... он пропал на месяц. Но в одну прекрасную ночь вернулся. Сплю я, значит, на травке рядом с могилами, а тут этот приходит. «Ситуация следующая, – говорит, – я нашел место, где он мог оказаться. Вероятность того, что он остался жив, очень мала, и...» Как?! Значит, она есть, эта вероятность?! Он на меня странными глазами посмотрел и говорит, что есть, но что ему еще месяц нужен, чтобы разобраться, как туда в физическом теле вообще можно попасть, не говоря уже об обратной переброске. Деликатный такой мальчишка. «Вы бы поели, – предлагает, – а то вы, простите, очень плохо выглядите». Ну, выглядел я на тот момент действительно не лучшим образом – а как можно выглядеть, если два месяца подряд жрать раз в неделю и почти не спать?.. В результате он снова бросил тело все в той же гостиной, а я опять стал ждать. Через неделю Влада с Соней пожаловали, потому что Леон и Морис в рейс ушли... они меня немножко привели в божеский вид, хотя спать я толком все равно не мог и от

каждого шороха дергался. Думаешь, я не понимал, что виноват? Ошибаешься... как же ты ошибаешься...

Рука снова ожила – тихонько двинулась куда-то к ребрам, а потом скользнула ниже и внезапно оказалась под майкой.

– Собственно, прошел еще месяц, прежде чем Алькор вернулся, – продолжил Скрипач. – Но он вернулся. И сказал, что... что он нашел способ перебросить меня туда, где оказался ты, но вот с возвращением проблемы – видимо, придется работать группой. Ну и предложил – либо я жду, когда они доработают это проход, либо – можно отправиться прямо сейчас и ждать возврата там. Можно догадаться, что я выбрал, правда? Шанс, что ты жив, он рассчитал как один к ста тысячам, но мне в тот момент и этого было довольно. Про мир он сказал, что это техногеника, белая, слабо развитая и очень странная. Предупредил, что с собой надо брать золото, лучше всего в виде цепочек и браслетов, которые всем гарантированно подойдут. Я смотался к транспортникам, купил полтора кило цепочек, горсть камней и... и на следующий день Алькор меня, собственно, сюда и перебросил.

Скрипач примолк, слабо пошевелился, устраиваясь поудобнее. На секунду его руки напряглись, но боль в покалеченном левом плече почему-то не возникла – видимо, рыжий удерживал ему плечо специально. Зачем?..

– Вывалился я точно там же, где и ты, под Домодедовом, – продолжил Скрипач. – Тоже, кстати, слегка приложился, но что такое три трещины на ребрах в сравнении с тем, что до-

сталось тебе, верно? Полежал несколько минут и встаю. Гляжу – ко мне бегут два мужика и тетка. С носилками. Когда увидели, что я встал, – растерялись до отупения, – он хихикнул. – Они стоят, я стою... грязный весь, в пыли, упал же, ну и эти, охреневшие... Подошел я к ним, снял язык, удивился, что это русский, и начал расспрашивать. Ясное дело, что про тебя. Картинку показал. Да, отвечают, был такой. Но это уже давно, его, мол, больше чем полгода назад в Москву забрали, и ни слуху, ни духу. В коме, говорят, забрали. Скорее всего он уже умер.

Так, думаю. Приехали. Но надо сначала выяснить, что случилось, и хотя бы могилу найти... прежде чем руки на себя накладывать. Ну, объяснили они мне, как добратся, позвонили этому самому Федору Васильевичу, и через три часа я уже был в Москве. И...

Скрипач осекся, с минуту молчал.

– Когда я тебя увидел в этом коридоре, с этими сраными пробирками, я думал – убью. Убью своими руками, как двести лет назад еще обещал. Помнишь? Помнишь, еще бы ты не помнил... Думал и... не смог. Сижу, как последний придурок, рядом с тобой на полу, все эти раны, криво зашитые, рассматриваю, а внутри... меня как ножом кто-то режет... не знаю, как это объяснить, да и не нужно, наверное... Когда ты меня послал, когда милиция уехала, зашел за мной Федор Васильевич. Попробовали с ним поговорить, да что-то не особо тогда разговор вышел. Натянута, не к месту и

не в тему. Снял я комнату неподалеку и месяц пробовал к тебе как-то подобраться, а ты – ни в какую. Ну, это ты и сам знаешь. Про то, что я в кустах сидел и смотрел каждый день, как ты на этом дебаркадере в обмороки валишься, ты, конечно не знал... Через месяц меня отловил Васильич и вызвал на беседу. Так, говорит, и так. Вы бы лучше к нему больше не ходили. Почему, спрашиваю? А потому, что у нас, отвечает, его состояние вызывает большие опасения, а после ваших визитов все еще хуже стало. Так что вы лучше больше не появляйтесь. А как я, черт возьми, могу не появляться, когда у меня внутри от одной мысли, что все вот так сложилось, душа наизнанку? Хорошо, отвечаю. Если вы настаиваете, чтобы я не появлялся, сделайте что-нибудь, чтобы у меня такой возможности больше не было. Потому что не появляться я не могу... и не смогу, если поблизости буду. Ну, отвечает, это дело, надеюсь, поправимое. Зайдите завтра после шести ко мне, попробуем один вариант. Захожу к нему на следующий день, а у него в кабинете сидит пузатый пожилой мужик, судя по виду – большая шишка, классом не ниже самого Васильича. И лежит перед ним на столе «РП-17» с привинченным сбоку номером. Разговоров он разводить не стал, а напрямую, значит, спрашивает – молодой человек, вы можете определить, почему это устройство не работает? Посмотрел я на эту хреновину, и впервые за все время мне по-настоящему смешно стало. Они что, за идиота меня считают, что ли?... Устройство это, отвечаю, не работает потому,

что вы в нем аккумулятор не тем концом повернули, и лучше бы вам его повернуть обратно да заодно поджать клемму – передатчик казенный, а ну как сломаете и придется потом платить. Пузатый засмеялся, Васильич улыбается... ну что, Паша, возьмете радистом в колонну какую-нибудь или еще поговорить хотите? Поговорить со мной хотели и поговорили, про все подряд – от дизельных двигателей до выносливости и всего прочего. Как выяснилось, этот мужик работает в Ространсе, на какой-то высокой должности, и они меня через него, в порядке исключения, конечно, пихнули водителем-радистом на эти самые «БЛЗ». Такую работу, мало что престижную, да еще и очень хорошо оплачиваемую, тут просто так не получишь, ну и... ну, это тоже не важно, думаю. Прошел за неделю курс подготовки и оказался впервые вот в этом самом караване, на этой самой дороге. Из России в Турцию, в Стамбул. Состояние у меня на тот момент было – не приведи, Господи, потому что до этого я успел поговорить с Васильичем, и он мне в тактичной форме объяснил, что ты, по сути дела, умираешь, просто медленно. У тебя, мол, тяжелая депрессия, от медикаментозного лечения ты отказался, но вроде бы как вы перестали его тревожить, ему полегче стало. Правда, непонятно, надолго ли.

Рука под майкой снова ожила и осторожно двинулась вверх, к груди.

– Я в тот момент был примерно как ты – не спал, не жрал... Как сквозь Крымские горы прошли, с трудом до сих

пор понимаю, потому что в таком состоянии мог три раза тоннель протаранить... как-то обошлось. Вышли в море. Идем по дамбе. Доходим до этого вот самого кемпинга. Причем, что интересно, ко мне несколько раз подходил Ванька и говорил какие-то странные вещи, но я на эти вещи в тот момент просто забивал, не слушая, – не до них было. Дошли. Встали на стоянку. Народ, как водится, стоговил пожрать, а я взял чашку чая и ушел на дамбу, подальше. Сидел, ждал, когда они разойдутся, чтобы не говорить ни с кем. Потом, смотрю, разошлись вроде бы. Допил чай и пошел в эту самую связку. Понимаешь, если бы я в другом состоянии был, все, вероятно, сложилось бы иначе. Но я был почти в точности как ты – и поэтому даже удивиться не успел, когда меня на входе огрели по затылку «колбаской». Слово «ой» не додумал до конца в тот момент. «Колбаска», Ит, страшная штука. Это длинный такой мешочек, наполненный мокрым песком... им человека оглушить – как нечего делать. Когда я очнулся... – Он осекся. – Они мне выдрали руки из плеч, привязали к столу и пустили по кругу. Кажется, несколько раз. Два или три. Всей колонной. Шестнадцать человек.

Ит замер. Скрипач вздохнул. Рука его снова пришла в движение и переместилась к левому боку.

– Я помню только то, что было вначале, – продолжил он. – Это... это было больно. Очень больно. Дело в том, что они накурились травы, и то, что они делали, показалось им чертовски смешным и веселым. Мне в тот момент, конечно, так

не казалось, но потом... а, ладно, не суть. Что было той ночью, я помню кусками – и думаю, это к лучшему. Помню, что сперва орал, потом уже не мог и стал слышать, как орут под дверью – это дядя Коля был и Ванечка, они требовали, чтобы немедленно открывали, но поди, попробуй что-то потребовать у толпы обкурившихся мужиков, которым очень хочется хоть кому-то вставить... А потом помню, что было снова и снова больно, и дальше – все равно. Думаю, я вырубился. Да нет, не думаю. Знаю. Вырубился, и всех дел.

Рука замерла на ребрах и двинулась к солнечному сплетению. Медленно-медленно...

– Очнулся я на следующий день, уже ближе к вечеру. В кабине, на койке, в машине дяди Коли. Боль адская, ни есть, ни пить, ни срать, ничего не могу. Больно везде и тошнит все время. Первые сутки лежал, как труп. На второй пить смог, на третий до сортира доковылял с Ванькиной помощью... На четвертый вроде бы и вовсе полегче стало, тонус восстановился, руки перестали болеть... Мы же ребята крепкие, да и агентская практика сказывается. Но это тоже ерунда. Главное – другое. Знаешь, я, когда там лежал, в этой кабине, вдруг понял – а ведь мне легче! Все болит, все раскурочено, но, черт возьми, мне легче, потому что я понял одну простую вещь, которую до того все никак не мог вычислить. Мы слишком хорошо жили, Ит. Особенно последние четверть века. Слишком хорошо. Слишком правильно. Даже несмотря на задания, на кажущуюся грязь и пакость. Наш мир, он

ведь был почти идеальным. — Скрипач печально вздохнул. — Муж, жена, сын, дом, птицы, друзья, общее благополучие... да много всего... А ведь мир, он на самом деле — не такой. Он совсем не такой, Ит. И мы про это забыли.

Рука скользнула к покалеченному плечу, Ит дернулся, но Скрипач удержал его.

— Не надо, — сказал он. — Даже не пробуй. Я тебя знаю так же, как себя, и сейчас ты никуда не денешься. Знаешь почему? Во-первых, тебе некуда деваться, а, во-вторых, надо ли? И в-третьих, я тебя не отпущу. Я все равно сейчас сильнее, ничего не выйдет.

Ты все-таки дослушай.

Дальше было в некотором смысле даже забавно. Когда я, едва оклемавшись, стал выползать из кабины... ха, знаешь, что эта кодла задумала? Меня прикончить, чтобы самим потом не сесть. Дядя Коля их тогда крепко прижал — оказывается, пока я там валялся, он застращал всю колонну так, что они света белого уже не видели. Ну, это все я быстро разрулил. Поговорил с ними, объяснил, что и как... в общем, помирились, и дело с концом. Они мне еще в Стамбуле хорошо проставились, а потом мы этим же составом во Францию сходили, затем в Испанию, в Италию... утряслось все само собой, и слава богу. Но я эти три месяца все время думал... Я думал, что тебя надо как-то спасать. Любой ценой. Из каждой страны звонил Васильичу, узнавал, как ты там... он говорит, что у тебя все в порядке, и я... если не в порядке, то

хоть в море топись, а если все хорошо, то жить как-то можно. Ну а дальше... пришли из последнего рейса в Москву, я к Васильичу, а он неожиданно говорит – ради бога, возьмите вы его с собой, потому что у меня народ уже бунтует. Не слепые все, видят, к чему дело идет, а сделать ничего не получается. Может, говорит, хоть вы как-то... И вот тут я понял то главное, о чем хочу тебе сказать. Мне кажется, ты меня сейчас не очень понимаешь, но, может быть, потом, когда придешь в себя, разберешься. Я люблю тебя. И я очень хочу, чтобы ты жил. Даже если меня не будет, чтобы ты жил. И где бы мы ни были, то место, где есть ты, – для меня всегда останется лучшим местом на Земле. Понимаешь? А чем можно заменить любовь, которой больше нет? Что сильнее, что способно как-то разбудить тебя, заставить начать бороться? И я понял что. Ненависть. И только ненависть. Ненависть, Ит, она порой даже сильнее любви, а что говорить про моменты, в которых и любви-то никакой нет? Я понял, что нужно сделать так, чтобы ты стал по-настоящему меня ненавидеть... и придумал вот это все. Что я, собственно, еще мог? У меня было не так много вариантов. Что было, то и было. То и есть.

Ит внезапно почувствовал, что дыхание его помимо воли учащается, возбуждение накатывало волной, и справиться с ним не было никакой возможности.

– Ничего другого, – продолжил Скрипач. Рука его, лежавшая на ребрах Ита, слева, вдруг напряглась. – А потом...

Ит слабо вскрикнул.

– Наверное, это правильно, – с легким сомнением подытожил Скрипач. Еще несколько секунд он удерживал Ита, затем отпустил и встал с протяжно скрипнувшей кровати. Поднял с пола джинсы Ита и свой «терьер».

Ит с трудом сел.

Скрипач сунул ему в левую руку штаны, в правую – пистолет. И то и другое Ит покорно взял и в смятении замер. Что с этим делать?..

Скрипач отступил на шаг. Ит встал.

– А теперь стреляй, – приказал Скрипач. – Давай, не стесняйся и не тяни. Штаны только надень сначала, а то набегут, и неудобно получится. Знаешь, я даже рад, что все вот так заканчивается. Тем более что жить после того, что с тобой сделал, я все равно не сумею. И материал мы никому не отдали... может быть, это и есть способ разорвать навсегда этот проклятый круг. Стреляй. Я не могу больше.

Они стояли друг напротив друга. В комнате царил полумрак, но свет был не нужен, зрение вполне позволяло различать почти все. Скрипач замер, глаза его сузились, он закусил губу и неподвижно смотрел на Ита, ожидая. Выражения на его лице было не разобрать.

А у Ита в голове в тот момент царила полная сумятица. Ни одной целой мысли не осталось, только какая-то дикая и стремительная мешанина из обрывков и кусков. Что-то билось изнутри, что-то рвалось наружу, разбивая голову на сто миллионов осколков, что-то распадалось, рассыпа-

лось, чудовищный набат колотил в виски... господи... шел за мной... вот так... шестнадцать человек... не может быть... три месяца... что же это... зачем... боже мой... и... как я мог... что... что я... что... всего лишь фраза, и вот так... его же из-за меня... что же это такое... чуть не убили... боже мой...

И вспышкой возникла одна-единственная целая мысль.

ЧТО Я НАДЕЛАЛ?!

Огненные, со звезду размером, буквы, беспощадно и неотвратно...

ЧТО Я НАДЕЛАЛ?!

ЧТО ТЕПЕРЬ БУДЕТ?!

Ит неуверенно сделал шаг по направлению к Скрипачу. Левая рука разжалась, и джинсы упали бесформенной кучкой, следом – из безвольной правой руки, тихо звякнув, вывалился «терьер». Скрипач отступил на полшага, и тут Ит осел на пол и вцепился что было сил Скрипачу в колени обеими руками, вжимаясь всем телом, уже переставая понимать, что происходит вокруг, а что – с ним самим. Из горла отчаянно рвался то ли стон, то ли крик, но вместо него получался какой-то полупридушенный вой, никак не желавший сложиться в слово, которое Ит сейчас пытался сказать.

– Эй, ты что? – недоуменно спросил Скрипач. Нагнулся, попробовал было расцепить сведенные руки, но ничего не вышло. – Ит?..

Ит с огромным трудом как-то поднял голову и наконец

сказал, вернее, простонал слово, которое сейчас судорогой сводило ему горло и легкие:

– Прости...

Глаза Ита остекленели, лицо исказилось. Скрипач смотрел на него в полной растерянности, затем снова попытался освободиться, уже чувствуя, что происходит что-то неладное, но все еще не понимая до конца, что именно.

Горло сводило спазмом от рыданий, и если вытолкнуть воздух из легких еще как-то удавалось, то вдохнуть он толком не мог, вместо вдоха получался длинный сиплый и болезненный полустон-полувскрик, который снова переходил в мучительный выдох, когда воздуха уже нет, а мышцы сводит все сильнее.

В дверь колошматили, кто-то кричал, кто-то требовал немедленно открыть. С огромным трудом Скрипач кое-как расцепил Иту руки и немного приподнял его; тот, продолжая хрипеть, тут же вцепился в Скрипача снова, но Скрипач, удерживая его одной рукой, сумел доковылять до двери и отодвинуть «собачку» задвижки.

– Что тут происходит, вашу мать?!

Мечущиеся лучи фонариков, гомон встревоженных голосов в коридоре, обрывки чужих фраз, чье-то перепуганное лицо, мелькнувшее и пропавшее.

– Я тебя спрашиваю, что тут происходит? Почему оружие на полу валяется?!

Дядя Коля с нескрываемой злостью смотрел на Скрипача:

– Ты отвечать будешь, гнида?!

– А ты не видишь? – обозлился в ответ Скрипач. – Что? Человеку плохо!

– Почему он без штанов? – заорал старший караванный. – Ты оглох?! Он без штанов, и у него ноги в крови! Отвечай, что тут творится?!

– Давай считать, что я его изнасиловал, – ледяным голо-
сом сообщил Скрипач. – Еще что-то рассказать?

– Вот что, падла, ты у меня под суд пойдешь, и срал я три кучи, гость ты там какой-то или хрен собачий! Что с ним в результате?!

– Я не знаю, – ожесточенно ответил Скрипач. – Чем сто-
ять, лучше помог бы!

– Как?! – заорал в ответ дядя Коля. – Как я помогу, когда ты не знаешь, что с ним?!

– Может, на улицу? – робко предложил из угла Ванечка. – Там воздуха побольше.

– Давайте, – распорядился дядя Коля. – Ну-ка, живо, по-
можите кто-нибудь... да помогите же руки ему разжать, силь-
ный, сволочь... черт, да что ж такое!..

В шесть рук Ита выволокли из связки и положили на пе-
сок. Он продолжал хрипеть, по телу пробегала дрожь.

– Задохнется сейчас, – констатировал кто-то невидимый
в темноте. – Кажись, кранты.

Скрипач сел на колени рядом с Итом, запрокинул ему го-
лову, зажал нос и попробовал вдохнуть – ничего не получи-

лось, сжатые в спазме мышцы просто не пропускали чужой вдох. Он подождал несколько секунд, поймал момент, когда Ит попытался вдохнуть сам, и уже на этом вдохе сумел загнать тому в легкие немного воздуха.

– У вас лекарства есть? – спросил он в пространство.

– Димедрол, анальгин и но-шпа, – ответил старший караванный. – Ну, нашатырь еще был.

– О боже... тащите, что есть, может, хоть что-то сработает, – взмолился Скрипач. Снова нагнулся к Иту: – Держись, слышишь? Не смей! Ит, не смей! Дыши, давай!..

Свет фонариков по песку, кто-то тащит аптечку, от одного вида которой разом накатывает безнадега и мысли о тщете всего сущего.

– Сейчас... – бормотал дядя Коля. – Внутривенно не получится, темно слишком... Ладно, черт с ним, попробуем в мышцу... Вань, посвети мне.

– Через сколько это действует? – спросил Скрипач.

– Что? – не понял караванный.

– Что ты ему сейчас вколол? Через сколько это действует?!

– Димедрол? Да должен вроде быстро, – отозвался дядя Коля. – Если вообще получится. Понимаешь, если это что-то типа истерики, то может и сработать. А если нет...

По телу Ита прошла судорога, он затрясся, конвульсивно задергался – и вдруг с хриплым стоном вздохнул. Закашлялся, захлебываясь новым стоном, и вздохнул снова. Скрипач

подсунул ему руку под спину, прижал к себе, одновременно запрокидывая голову.

– Давай, родной, давай... давай, дыши... – бормотал он. – Все, все, все, тихо... ты только дыши, не останавливайся... Вот так... вот и хорошо... вот и молодец...

– Может, обратно его? – спросил кто-то.

– Пока не надо, пусть в себя придет, – попросил Скрипач. – Ну все, все... Все, Ит. Все всех простили... дыши, родной... Коль, обезболивающее какое-нибудь есть?

– Я ж сказал, анальгин. Думаешь, надо сделать?

– Сделай. Я же ему плечо... того... связки порвал.

– Еще и плечо? Совсем охренел, урод?!

– Так получилось.

– Что еще у тебя, блин, получилось?

– Коль, давай завтра про это поговорим? – предложил Скрипач. – Сейчас помочь как-то надо, а не трепаться.

Ит вдруг поднял искалеченную руку и что было сил вцепился Скрипачу в майку. Тот перехватил его поудобнее и прижал к себе еще сильнее.

– Я здесь, все хорошо... спокойно, я никуда не денусь, слышишь?

– Да он под димедролом не соображает ничего, – пояснил дядя Коля. – От него мозги сносит только в путь.

– Все он соображает. Народ, принесите воды кто-нибудь, – попросил Скрипач. – И одеяло тоже.

– А одеяло тебе для чего? – недоуменно произнес Ванеч-

ка.

– Хочу с ним еще часок посидеть на воздухе, – пояснил Скрипач. – Я его потом сам до комнаты дотащу, без проблем.

– Так, ладно. Все, мужики, концерт окончен, расходитесь, – решительно приказал дядя Коля. – Давайте, давайте, двигайте! – прикрикнул он. – В шесть утра выходить, спать надо. Кому сказал, разошлись, живо! Тут вам не цирк с конями, блин! Человек чуть дуба не дал, а вам лишь бы пляться! А ну, свалили все быстро!

– Спасибо, Коль, – серьезно сказал Скрипач, когда за последним водителем закрылась дверь в связку. – А то действительно...

– Если бы тебе завтра не надо было за руль, я бы тебе сейчас все ребра за такое пересчитал, – с ожесточением ответил караванный. – Думал, нормального водилу беру, а не ублюдка-садиста, черт возьми... ну ты меня и подвел...

– Я все объясню, клянусь. Завтра объясню.

– Хорошо, тогда завтра и послушаю, – процедил караванный. – А чтобы ты еще чего не натворил, пойду на твоей машине, сволочь. Тем более что ты своей же милостью остался без напарника.

* * *

Утробное низкое гудение двигателя – где-то внизу. Гудение и вибрация. Мир вокруг слегка покачивается, и это хо-

рошо... да и вообще хорошо лежать вот так, в полусне-полуяви, и слушать гудение движка и чей-то неспешный разговор... А, нет. Не чей-то. Скрипач и дядя Коля... что он забыл в нашей машине?..

– А все-таки, почему ты именно это сделал? Можно же было поговорить как-то, объяснить?

– ...потому, что я мудака, Коль. Да и с разговорами не вышло. Думаешь, я не пробовал говорить? Еще как пробовал! Так он разворачивался и уходил... это, знаешь, уже просто от отчаяния получилось, наверное...

– По мне, так ты все-таки перегнул, – осуждающе, но в то же время с сочувствием. – А если бы он кони двинул? Соображаешь?

– Соображаю, – тяжелый вздох. – Да, дела... Как теперь со всем этим разобраться? У нас же еще и дома получилось... – Скрипач снова горестно вздохнул. – Понимаешь, как он вот так ушел, планету, на которой мы живем, тут же на карантин закрыли. Сразу. Долго объяснять почему, но, в общем, так положено после такого вот воздействия. Так какая-то добрая душа все-таки успела нашей жене и сыну сообщение сбросить, что он погиб. Представляешь?

– А у тебя сын есть?

– А как же, – усмехнулся Скрипач. – Только не у меня. У нас. Фэб-младший, от Орбели-Син и нашего мужа... ну, который умер, я тебе говорил. Мы же не люди, и семья у нас немножко иначе устроена.

– И сколько лет ему?

– Двадцать три, он уже почти взрослый парень. Рвется в нашу же официалку, а мать и мы оба против... в общем, пока что уговорили на дипломатический отдел, но он хочет как мы, в агенты...

– Ну а чего нет? – удивился дядя Коля. – Пусть идет. Чего вы ему не разрешаете, раз большой уже?

– Чего не разрешаем? Коль, вот ты своего родного ребенка добровольно на каторгу бы отдал? – возмутился Скрипач. – У нас работа, мягко говоря, непростая и тяжелая. Да и опасно. Нет, уволь, но к нам его ни в коем случае нельзя. А он хочет... теперь боюсь, как бы не пошел – династию поддерживать, блин. Нас-то нет, за руку ухватить, если что, некому... Он же с детства это все видел, как они с мамой приезжали к нам. Контролирующие, официальная, транспортники... романтика, понимаешь? Брак наш с Орбели-Син, разумеется, был по договору с ее стороны, несмотря на всю любовь с нашей, но мотались они к нам за милую душу, по три-четыре раза в год, и жили по месяцу, а то и больше. У нас хорошо, дом огромный, сад... для мальчишки вообще раздолье. Он смешной такой был, маленький. – Голос Скрипача потеплел. – Приходим мы, допустим, с задания... а там, на задании, полгода отработки. То есть эти полгода мы спали урывками, жрали что попало и когда получается, работали в личинах, если вообще не черт-те кем... да и подставиться удалось каждому, и не по разу. И вот после этой очеред-

ной мясорубки можно наконец дома расслабиться. А расслабиться – это в первую голову, конечно, выспаться. Едва не неделю потом спишь, добрать как-то надо, ведь выдрать на следующую отработку могут в любой момент...

– А что за отработки? – спросил караванный.

– Да много чего попадается. Агент – это, считай, как шпион, если по-вашему. Ну, вот. Спим мы, значит. Кто где, как получится. А по утрам... у нас обычай есть, мы каждое утро птиц кормим... кормили... ставишь на окошко блюдечко с семенами, они прилетают, и можно посмотреть, они же красивые. Птиц нашими стараниями вокруг дома живет очень много... – Скрипач печально усмехнулся и снова вздохнул. – Одним блюдечком дело не обходится. И вот утром спишь ты, значит, и сквозь сон слышишь – крадется. На цыпочках, как мышка. Сопит от усердия, но старается прошмыгнуть так, чтобы не разбудить – ну, правильно, мама же сказала, что папы спят, потому что устали. Лежишь, смотришь... вида не подаешь, чтобы не разочаровывать... ставит блюдце, и обратно, так же, тихонько – а потом в коридоре во весь голос и на весь дом: «Мама, я их не разбудил!» – Скрипач засмеялся. – Из него, Коль, получился замечательный парень, очень похожий на Фэба, такой же добрый и большая умница... повезет кому-то. Жаловался пару лет назад, что гермо проходу не дают. Ну, правильно.

– Красивый?

– Очень. Высоченный, черноволосый, глаза зеленые.

– Покажешь потом?

– Покажу, конечно. Понимаешь, Коль... Ит, он, видимо, подсознательно понял то, что я, придурок, только сейчас начал понимать. Та жизнь, она для нас кончилась. Фэб умер, сын вырос, Орбели нас бросила... мы снова остались одни. Он тогда понял – мы похоронили не только Фэба. Мы похоронили вместе с ним почти все, чем были на тот момент. Да, конечно, работа... но что – работа? Работа работой, а с душой как быть? Знаешь, я когда его увидел в институте... помнишь, я тебе про нашу прошлую инкарнацию рассказывал?

– Помню. Страшновато, – признался караванный.

– Ну вот. Я его увидел и оторопел. Потому что это не Ит был. Это был Пятый, только волосы черные. Я понял, что он сдался, понимаешь?

– Понимаю. – Легкое осуждение в голосе. – Это я понимаю, но не понимаю: кой черт тебе понадобилось его насиловать?

– Да такой черт, что я решил – раз он умирает, да еще и вот так, то пусть сначала меня прикончит! Повод хотел дать. А может... думал, что если он хоть что-то чувствовать начнет, то сумеет... как-то...

Скрипач не договорил, осекся.

– Хреновые у вас дела, ребята, – резюмировал караванный. – Ты хоть понял, что с ним было? Он вообще оправится?

– Не знаю, – горько ответил Скрипач. – Ничего я теперь не знаю. А что было... я же не врач. Но если учесть, что он больше года в коме пролежал до этого...

– Чего?!

– Того. Головой приложился так, что...

– Твою мать! И ты молчал?! Рыжий, ты, ей-богу, совсем оху...

– Да не ори ты так! Да, молчал! – приглушенный до шепота крик. – Потому что, если бы я сказал правду, ты бы не позволил его с собой взять.

– Охренеть... ну, ты даешь...

Сон постепенно отступал, сознание потихонечку прояснялось. Ит вздохнул поглубже, слабо шевельнулся, попробовал подвигать правой рукой. С удивлением понял, что во рту что-то мешает. Поднял руку и обнаружил, что между зубов вставлен деревянный шпатель, обмотанный марлей. На марле обнаружили пятна засохшей крови. Ит с недоумением посмотрел на шпатель, потом перевел взгляд влево. Ага, все правильно. Койка в кабине, точно. Линялая ситцевая занавеска, отделявшая койку от остального пространства кабины, слабо колыхалась от движения. Он попробовал приподняться, но тут же зашипел от боли в левом плече.

– Эй, ты тут? – позвал Скрипач. – Проснулся? Ты в порядке?

За занавеску просунулась рука, и Ит тут же схватился за нее здоровой правой, стремясь, как вчера, прижать к себе и

не выпускать, не отпускать, ни за что на свете... Рука дернулась, но Ит держал крепко.

– Так... Ит, послушай. – Скрипач говорил медленно и неторопливо, давая Иту возможность осознать каждое слово. – Отпусти, пожалуйста. Я веду машину, и если ты будешь меня держать, мы уедем в море и потом за груз никогда в жизни не расплатимся. Отпусти руку. Мы сейчас сменимся, и я к тебе приду.

Ит неохотно разжал ладонь.

– Коль, поведи, а? – попросил Скрипач.

– Подожди минуту. – Из-за занавески показалась голова караванного. – Ну, чего? Очухался?

– Да, – хрипло ответил Ит.

– Дай-ка я тебя послушаю... сейчас дышать трудно? Не молчи, отвечай, давай.

– Нет вроде. – Ит, опираясь на здоровую руку, попробовал сесть, но тут же лег обратно.

– Хорошо. Переворачивайся, надо посмотреть, чего там...

– Не надо, – испуганно ответил Ит. – Пожалуйста...

– Коль, на самом деле не надо, – попросил Скрипач. – Ничего там нету, кроме синяка на копчике, честное слово. Клянусь чем хочешь. Не надо, серьезно.

– Ладно, – сдался караванный. – Черт с вами. Меняемся.

Через минуту Скрипач кое-как пролез за занавеску. Ит с трудом поднялся и тут же буквально повис у Скрипача на шее, а тот обнял его. Несколько минут они так и просидели,

молча, скорчившись на узкой койке.

– Ты как? – спросил Скрипач с тревогой.

– Нормально, – ответил Ит. – Слушай, я бы того... сходил кое-куда, что ли. Сколько времени?

– Час дня. Пошли, провожу.

– Не надо, сам дойду.

– Угу, сейчас, дошел один такой. – Скрипач с упреком посмотрел на Ита. – Только честно – голова кружится?

Ит прислушался к ощущениям, нахмурился.

– Кружится, – признался он. – Сильно.

– Это димедрол. Ладно, пошли. – Скрипач слез с койки, помог Иту встать и тут же подхватил под здоровую руку – того шатало. – Коль, мы того, прогуляемся...

– Идите уж, инвалидная команда, – проворчал караванный. – Поосторожнее только. Смотри, чтобы он за леер не свалился.

– Будет сделано, – ухмыльнулся Скрипач.

* * *

– Ит, ты сумеешь меня простить?

– За что?

– За то, что я вчера сделал.

– Рыжий, ты все правильно вчера сделал. Нет, серьезно. По большому счету, надо было сделать гораздо хуже... в ответ на то, что сделал я. Так что я, считай, еще легко отделался.

ся.

– Прекрати бредить. Совсем с ума сошел. Сказал тоже, правильно...

– Может, я и правда с ума сошел, а? – жалобно спросил Ит.

– Я так не думаю, – серьезно возразил Скрипач. – А вот то, что ты до сих пор болен, факт. Ладно, попробуем как-то выкрутиться.

Между кабиной водителей и второй, подсобной, было небольшое пространство, метра два в длину и чуть больше метра в ширину, огороженное леером. Вдоль общей стены рыжий еще пару месяцев назад соорудил что-то типа длинной лавки – наварил три уголка, а потом стырил где-то три крепкие доски, прикрутил к уголкам, и лавка была готова. Сейчас оба они расположились на этой самой лавке, под козырьком кузова. Рыжий сидел, а Ит лежал, положив голову к нему на колени. Разговаривали они уже второй час и все никак не могли остановиться. Коля несколько раз звал их из кабины, но рыжий в ответ только махал рукой – подожди, мол, не до тебя. Колонна шла по высокой дамбе, и вокруг, сколько хватало глаз, простиралось море – огромное и спокойное. Солнце палило нещадно, но под козырьком было вполне сносно, да и ветерок дул, ленивый, неспешный...

– Это я виноват, – ожесточенно повторял раз за разом Ит. – И только я! Каким придурком надо быть, чтобы из-за одного слова такое сделать!..

– Какого слова?

– Да про лопату... Ну почему мне это вообще в голову взбрело? Можно же было как-то огрызнуться, даже по морде дать, а я... – Он в отчаянии замотал головой. – Мы же оба нажрались тогда, помнишь?

– Еще бы не помню. Я тебе больше скажу. – Скрипач замялся. – Я же неделю не мог вообще вспомнить, что именно ляпнул. До того, как считку не поднял, – не помнил. А когда посмотрел... Ит, Леон с Морисом меня на самом деле из петли вынули, в буквальном смысле этого слова. Там на двери до сих пор веревка висит.

– О, Господи...

– Да Господь-то тут при чем?! Блин, такого наворотили... и как-то со всем этим теперь разбираться надо.

– Ты же сказал, что группа работает, чтобы вытащить нас отсюда.

– Группа-то работает, – печально усмехнулся Скрипач. – Но ты сам прикинь: у нас прошло три месяца, а тут полтора года или даже больше. То есть тут время идет как минимум в шесть раз быстрее, чем дома. Понимаешь?

Ит кивнул, поморщился.

– Так что сам думай, что со сроком получается. Нам тут еще как минимум год придется как-то прожить. А у тебя с мозгами до сих пор нелады, и нет возможности нормально лечиться. Нет, восстанавливаешься-то ты неплохо, а сейчас мы этим вдвоем займемся, будет еще лучше, но... все рав-

но, нужно, самое малое, дотянуть в приличном виде до нормальных врачей.

– Кстати, по поводу мозгов. – Ит замялся. – Вторая часть твоего сольного выступления мне, кажется, понравилась, и если ты потом захочешь, то...

– Если ты еще раз такое скажешь, я тебе дам по роже, – строго сказал Скрипач. – Кроме того, ты сам отлично знаешь, что это гарантированный вариант для вылета с работы. И вообще, – продолжил он, переходя на хриплое меццо Огненной Бестии, – я приличная девушка. Мужчина, как вы можете мне подобное предлагать?!

Ит не выдержал и рассмеялся.

– Ага, ржет. И меня подкалывает так, что я начинаю верить. Значит, ожил, – улыбнулся Скрипач. – Так, ладно. Ты лежи, а я за аптечкой схожу. Надо тебе руку сделать. Сейчас обезболю, вправлю, а потом за час подзатыну. Ага?

– Не «ага», – возразил Ит. – Все равно до завтра не восстановится.

– Не до завтра, а через трое суток, не раньше. И эти трое суток, родной, ты будешь делать три вещи – есть, спать и радовать меня своим присутствием на этом свете. Понял?

– Рыжий, я не шутил, – вдруг сказал Ит. Скрипач нахмурился. – Я знаю, что это звучит, как бред, но я на самом деле не шутил. Я сам не понимаю, как это получилось... Может, реакция на стресс?..

– Или последствие травмы, – уже серьезно закончил

Скрипач. – В таком случае, думаю, ничего плохого в этом нет. Перебесишься и успокоишься. Не переживай только, ладно?

– Ладно, – покладисто пообещал Ит и добавил, уже голосом Найф: – Я не могу отказаться от столь лестного предложения, сударь. Но я все-таки должна его хорошо обдумать.

– Фу на тебя, придурок, – засмеялся Скрипач. – Кончай издеваться!.. С головой у него плохо, как же. Еще раз про эту гадость заикнешься, урою. И хватит об этом. Одеяло притащить?

– Тащи. Доски жесткие, – согласился Ит. – Можешь и подушку тоже прихватить.

* * *

Дальше все было хорошо. Настолько хорошо, насколько это вообще возможно. Очень странное «хорошо», которое по сути своей стало симфонией прощения, когда каждый просит прощения у каждого и каждый виноват настолько, что просить прощения может, а простить себя – нет.

Прости меня...

Прости меня за то, что я сделал.

Прости меня за то, что я ушел и бросил тебя.

Прости меня за то, что я тебя предал.

Прости меня за то, что я так чудовищно тебя унизил.

Прости меня за причиненный тебе страх.

Прости меня за то, что тебе было больно.

Прости меня... прости меня... прости меня...

Этот диалог, конечно, не произносился вслух, но проявлялся во всем, что они делали, сознательно или нет.

...смотри, что я нашел – из заглазника достается пачка соленых испанских крекеров и банка клубничного варенья, неизвестно как туда попавшая. Да, это тебе, ешь давай. Соленое печенье с вареньем?.. Ну да, тебе же поправляться надо...

...пока ты спал, я починил. Что? А ты не чувствуешь? Кондиционер? Как ты его спаял одной рукой?.. Ну вот так, сумел, припой только было не очень удобно брать, но ведь пальцы-то нормально работают...

...давай я с тобой посижу, пока Коля ведет. Нет, он не будет ругаться. Не будет, не сомневайся. Он вообще у меня в долгу, если честно говорить – вообще-то он старший караванный и должен был тогда пресечь это дело на корню, но не пресек, и знаешь почему? Потому что он в это время миловался с Ванькой. А ты как думал? Да тут это вообще в порядке вещей! Ты аптечку хоть раз открывал? Ну открой. Открой, открой, очень познавательно. Тюбик видишь? Называется «Лазурь», угу. Ит, хватит ржать, это же все всерьез!.. Да, вот представь себе, рекомендовано Минздравом. Ты не поверишь, для чего. Угадай. Нет, ты угадай. Профилактика геморроя. Так-то. Мораль? Мораль замечательная, поверь. У дяди Коли, кроме Ваньки, есть две семьи – Любаша в Москве

и Глорис в Нью-Йорке. В Москве двое детей, и в США еще один. Да, вот так. Нет, обе прекрасно знают друг про друга и ревнуют только к Ваньке. А Ванька ревнует к ним, хотя сама еще шлюха, если разобраться. Ит, ну кончай ржать! Да, это вот такой вот абсурд, но этот абсурд отлично существует, как видишь.

...Орбели-Син не появлялась уже черт-те сколько, Скрипач, и я почему-то думаю, что мы ей больше не нужны. То, что она хотела, она от нас получила. Зачем мы ей? Нет, я знаю, что ты ее очень любишь, и я ее тоже люблю, но подозреваю, что она нас не любит и не любила никогда. Может, притворялась – для тех же родителей. Да, она всегда была странной и непоследовательной... но, знаешь, можно же помнить, что все тогда было хорошо, так? Ну и вот... Тем более что Фэб-младший от нас все равно никуда не денется...

...где мы? Да нет, не думал. Ты не согласишься, но я вообще ни о чем, кроме тебя, до сих пор не думал. Подумаем, конечно. Не знаю, что будет с группой, но выбираться отсюда в любом случае как-то надо...

...ах, да, волосы... нет, Скрипач, пока что отрезать не буду. Ты считаешь, красиво? Хм... причина не в этом. Я... из-за Фэба. Кончики волос, которые он трогал... Скрипач, давай не будем, мне что-то снова дышать трудно стало... нет, просто не будем, хорошо? Но это из-за него, именно так. Да, конечно... Что-то вроде памяти, ты прав. Отрежу, просто

позже. Ладно? Не сердись... Расчесать надо бы, это точно...
...ты что, до сих пор ни разу не смотрел на небо?! С ума сойти. Серьезно? Ит, ты тут уже долго и... Хорошо, пойдем, выйдем на улицу. Только ты держи меня за руку, ладно? А то я, когда первый раз увидел, сам чуть не свалился. Что? А вон лавка, давай сядем. Да, это именно то, что ты увидел. Ит, это не звезды, ты прав, и нечего тереть глаза.

Это действительно галактики.

И они действительно расположены так же, как зодиакальные созвездия на той Земле, которую мы знаем по счеткам. Ит, спокойно... Я же говорю, сам чуть не рухнул! Отсюда еще плохо видно, город светится, вот когда пойдем обратно, посмотришь – с моря все видно гораздо лучше... Родной, как же тебе плохо-то было, если ты *такого* не заметил... Ну, прости... все, больше не буду, честно. Прости, хорошо?..

Прости меня.

Я не знаю, где мы, не знаю, что с нами дальше будет.

Знаю только одно.

Какое бы ни было над нами небо, что бы с нами ни происходило, для чего бы мы сюда ни попали... это все не важно. Важно только, что мы снова вместе. Когда-то, давным-давно, один умный искин сказал, что мы с тобой одно существо.

Это так и есть.

Мы действительно одно существо, потому что друг без друга мы существовать не можем... уже не раз проверяли, и больше проверять не хочется.

И не будем.

...вот и правильно...

Но знаешь, Скрипач, мне все-таки очень не хватает Фэба. Страшно не хватает. Я не знаю, как именно я любил его – как гермо, как человек... я даже не понимаю, кем именно он был для меня... но любил я его очень и очень сильно. И теперь столь же сильно по нему тоскую. Жаль, что я так и не научился плакать, правда? Вот ты умеешь, рыжий. Ты – умеешь... а я не могу. Но у меня до сих пор ощущение, что кусок души вырвали с мясом. Может, это пройдет со временем, не знаю. Может, пройдет, а может, так и останется. Прости, я действительно запутался, наверное...

Все будет хорошо, родной. Пошли спать. Пошли, пошли, хватит сидеть здесь. Да, Стамбул славный город, но Москва, согласись, все-таки лучше. Вот как приедем, как снимем комнату, выспимся и пойдем шляться. Да не ходил я никуда, на кой черт мне это одному нужно было?.. Ты считки открывал? Ого. Ладно, потом расскажешь... Все потом. Пошли, ты с ног валишься.

Часть вторая

Вавилон

05

Москва, НИИ БВФЖ
Катализатор

Комната выходила окном на канал, и спать в ней оказалось одно удовольствие. Во-первых, прохладно, во-вторых, относительно тихо, и, в-третьих, и в главных, бабка не поскупилась на антикомариные свечи и противомоскитную сетку на окно.

Кровать имелась всего одна. На робкий вопрос Ита бабка ответила, что «все я про вас знаю, обойдетесь вы одной койкой за милую душу, только чтобы сильно не скрипели ночью, а то выселю». Скрипач, конечно, тут же предложил ночью поскрипеть (для этого всего-то надо было попрыгать на кровати), но Ит, в который раз уже обозвав его пошляком, от затеи повеселиться отказался, тем более что спать ему хотелось почти все время. Организм стремился добрать свое, и Ит знал – в таких ситуациях мешать телу не нужно, лучше пойти у него на поводу, тем более что есть такая возмож-

ность.

Трое суток они провели в этой комнате, отсыпаясь после рейса. Выходили только за хлебом да в столовую, удачно оказавшуюся поблизости. Наскоро ели и снова шли обратно – Ита срубало буквально на ходу.

На четвертый день Скрипач, несмотря на робкие Итовы протесты, развел бурную деятельность: сначала они направились на другой конец города к спекулянтам за одеждой, потом – к другим спекулянтам, повыше уровнем, договариваться про что-то, ведомое одному Скрипачу, а после – решили заглянуть в БВФЖ. Вернее, на этом настоял рыжий. Ну и пошли, хотя Ит к тому моменту уже собирался намекнуть, что неплохо бы вернуться. Таскаться по городу ему порядком надоело.

На подходах к высотке Скрипач вдруг остановился, хлопнул себя по лбу и жалобно воззрился на Ита.

– Чего такое? – спросил тот.

– Я идиот. Ит, я забыл цепочки, причем на столе, нет бы спрятал! Нам ведь еще в ломбард, а если цепочки найдет бабка... Слушай, не в службу, а в дружбу, сгоняй за ними.

– Ладно, сейчас схожу, – тяжело вздохнул тот. – Где тебя искать?

– Я у Васильича буду, подходи сразу туда, ага? – попросил Скрипач.

– Ну хорошо, – с легким сомнением в голосе ответил Ит. – Может, вместе?..

– Понимаешь, я ему задумал подарок сделать и хочу прощупать почву, – туманно объяснил Скрипач. – Так что будет даже неплохо, если ты немножко задержишься.

Ит покладисто кивнул. Подарок так подарок, почву так почву.

Скрипач проводил его взглядом и быстрым, даже излишне почему-то быстрым шагом направился к зданию.

* * *

– Федор Васильевич, у нас десять минут, – с порога, не здороваясь, начал Скрипач. – Он сейчас придет, а я не хочу, чтобы он это все слышал.

– Господи... Скрипач, зачем вы меня так пугаете? – Начальник лаборатории контактов встал из-за стола. – Вы вернулись?! Ну и как он? Жив?

– Жив, жив, сейчас подойдет, я его специально отослал. – Скрипач плотно закрыл за собой дверь и, не церемонясь, уселся. – Давайте быстро. Жив-то он жив, но у нас есть проблемы, которые без вас решить, подозреваю, не удастся.

– Подождите, не все сразу, – взмолился Федор Васильевич. – Вы помирились?

– Помирились. Собственно, с этого перемирия все и началось. – Скрипач оглянулся на дверь. – Для того чтобы как-то стронуть ситуацию с места, пришлось загнать его в стресс и...

– Каким образом?

– Примерно таким, для которого в каждую аптечку кладут «Лазурь», – скривился Скрипач. – Для Ита подобный способ – то же самое, что сунуть пальцы в розетку. Шок и очень сильная нервная встряска.

– И что произошло?

– Больше всего это было похоже на ларингоспазм, если судить по справочникам и по тому, что я знаю, – ответил Скрипач и снова обернулся к двери. – Я сам сперва не разобрался, подумал сначала, что у него эпилептический припадок – тонические судороги, недержание, цианоз, пульс упал. Пробовал помочь дышать, почти ничего не получалось, до такой степени были зажаты мышцы. Николай сделал укол димедрола, и через несколько минут Ит начал дышать сам. Сначала мы подумали, что димедрол помог, но это оказалось не так.

– Да, у нас в колоннах эпилепсию запросто димедролом лечат, – осуждающе покачал головой Федор Васильевич. – Чего им вообще только не лечат... Что еще?

– После приступа он заснул, я остался с ним. Через три часа приступ повторился. Интенсивность была ниже, но этот приступ произошел уже без стресса и на фоне, во-первых, сна, а во-вторых, лошадиной дозы димедрола, который в некотором смысле седативный, если я правильно понимаю. Во время приступа он так и не проснулся.

Федор Васильевич кивнул.

– Под утро он нам с Колей выдал третий приступ, слабее

двух предыдущих, уже без угрозы для жизни. Язык он, правда, себе прокусил – но тут мы, двое идиотов, виноваты. Надо было подстраховаться, а мы расслабились. Это когда уже в кабину поднимали...

– Симптомы были одинаковыми?

– Да, – кивнул Скрипач. – Во второй и третий разы чуть слабее, чем в первый. Я справился сам...

– Как именно?

– Растирал грудь камфорным спиртом, массировал шею. После третьего приступа он проспал почти восемь часов и, проснувшись, ничего не помнил. Мы решили ему не говорить про это.

– Почему?

– Чтобы не добавлять лишнего, ему и без того досталось. Так вот, дальше. Я наблюдаю за ним постоянно...

– И что?

– Было еще пять приступов за это время, причем все – ночью, во сне. – Скрипач нахмурился. – Какие-то слабее, какие-то сильнее. Снимал сам, чуть не по часу каждый раз сидел, массировал. Но я не о том. Приступы – это следствие. Должна быть причина. То, что это происходит каждый раз в лежачем положении, натолкнуло меня на некоторые мысли, и я хотел попросить вас кое-что проверить.

– Думаете, травма? – прищурился Федор Васильевич. – Вообще возможно. Если это происходит вследствие притока крови к какому-то поврежденному участку, в котором воз-

никает отек... да, может быть.

– Мне кажется, что это так. Не исключено, что можно помочь, поэтому я хотел спросить – есть возможность хотя бы обследовать?

– Конечно, есть. Томография, анализы, энцефалограмма... А в общем и целом он как?

– В общем и целом, слава богу, гораздо лучше, – улыбнулся Скрипач. – Отъелся, отоспался, на человека стал похож. Подтормаживает, правда, временами и соображает похуже, чем обычно, но это проходит – сейчас он уже почти прежний.

– Планы на будущее какие-то появились? – поинтересовался Федор Васильевич.

– Хотелось бы в Америку сходить с нашей командой, – погрустнел Скрипач. – Но это зависит от того, что врачи скажут.

– Хорошо, – кивнул, соглашаясь, Федор Васильевич. – Через сколько выходит караван?

– Через две недели. Время в запасе есть, поэтому... – Скрипач прислушался. – А, вот и он.

– Здравствуйте. – Ит приоткрыл дверь в кабинет и кивнул Федору Васильевичу. – Не помешаю?

– Ит, давай сюда, мы тут как раз тебя обсуждали, – позвал Скрипач.

– Глазам своим не верю. – Федор Васильевич откинулся на спинку стула и уставился на Ита. – Вы действительно... Скрипач предупредил, но я не ожидал, честное слово.

– Простите? – Ит, кажется, слегка удивился такой реакции на свое появление. – Что-то не так?

– Да все, наоборот, так. – Федор Васильевич встал, подошел к Иту и уставился на него. – Совершенно другой человек!..

Скрипач, довольно улыбаясь, наблюдал за этой сценой. Видно было, что он явно горд собой. Всего лишь месяц – и вот так. Да, вот так. Потому что это уже действительно был Ит, почти что тот самый Ит, настоящий Ит, а не та бледная тень, которую Федор Васильевич видел до этого момента. Во-первых, Ит теперь весил уже около своего законного полтинника, а не сорок, как в тот момент, когда Скрипач загнал его в караван. Во-вторых, исчезло затравленное, унылое выражение, лицо разгладилось, сгорбленная спина распрямилась. Да, уже почти сам – чуть прищуренные глаза, вежливая полуулыбка, аккуратно расчесанные волосы (долго они матерились, пытаюсь привести их в порядок), забранные в хвост (Фэб, разумеется, конечно, Фэб, но если Иту от этого лучше, то почему бы и нет?), нормальная одежда – добротная рубашка, джинсы, французские берцы из мягкой кожи. Стройная, тонкая фигура – но уже без той болезненной худобы, которая была раньше.

– Ну что? – самодовольно спросил Скрипач. – Хорош?

Ит с укоризной посмотрел на него, Скрипач ответил безмятежным взглядом.

– Действительно, хорош, – согласился Федор Василье-

вич. – Вообще вы оба стали похожи на...

Он осекся.

– На помесь людей и рауф, – подсказал Скрипач. – Я лично ничего не имею против того, чтобы называть вещи своими именами.

– По-моему, вас этим фактом порядком достали, – заметил Федор Васильевич.

– Ваша правда, – легко подтвердил Ит. Сел на стул рядом со Скрипачом. – Это действительно так.

– Но почему? – недоуменно спросил Федор Васильевич.

– Потому что это аномально и неправильно, – пожал плечами Ит. – Зато здорово помогает в работе.

Скрипач хмыкнул.

– Особенно если речь идет о работе шофером, – заметил он. – Так, Ит. Сиди теперь и слушай, что тебе скажет Федор Васильевич. Это важно, так что...

Тот кивнул.

– Собственно, все просто, – осторожно начал Федор Васильевич. – Мы бы хотели вас обследовать. Это не займет очень много времени и...

– Но зачем? – удивился Ит. – Я вполне нормально себя чувствую.

– Это не так, – вдруг сказал Скрипач. – Прости, но это действительно не так. У тебя есть проблемы, о которых я пока что не говорил.

– О чем ты? – Ит разом посерьезнел.

– Помнишь тот приступ, из-за которого ты едва не задохнулся... ну, когда я... в общем, в том кемпинге? – Скрипач решил не уточнять подробностей. Ит осторожно кивнул. – Нечто подобное у тебя повторялось еще пять раз за это время. Во сне. Слабее, чем в тот раз, но было. Поэтому...

– Почему ты не сказал мне сразу?

– Потому что хотел дать тебе отдохнуть, – объяснил Скрипач. – И, мне кажется, это удалось.

– Ответ принят, – пристально посмотрел на него Ит. – И что в итоге?

– Мы бы хотели попросить вас пройти обследование. Сделать томографию, сдать анализы, – принялся перечислять Федор Васильевич. – Часть анализов можно сделать в лаборатории физиологии, они вполне справятся, часть, в том числе рентген, я попрошу...

– Хорошо, хорошо, – остановил его Ит. – Я согласен. Но... Рыжий, впредь говори мне все, не откладывая, ладно?

– Ладно, – согласился Скрипач.

– Я так понял, что вам лучше не тянуть с этим всем, поэтому давайте с завтрашнего дня и приступим, – предложил Федор Васильевич. – Где вы остановились?

– Помните, я комнату снимал? – спросил Скрипач. – В том же доме, только на этот раз у другой бабки. Условия не фонтан, но две недели вполне перекантоваться можно, и, опять же, от вас близко.

– Хорошо, – покивал Федор Васильевич. – Значит, завтра

в девять утра я вас жду.

– Девять утра... – мечтательно протянул Ит. – Вы не поверите, но я до сих пор не выспался, а в караване вставать приходится в полшестого. Спать до восьми... а говорят, чудес на свете не бывает.

– Это дрыхло проспало весь Стамбул, – пожаловался Скрипач. – Мы там сняли комнату и из этой комнаты выходили за пять дней в город всего три раза, на два часа каждый, не больше. Все остальное время...

– Слушай, перестань, – попросил Ит. – Хватит меня позорить и делать из меня какого-то инвалида. Ну спал. Ну да. Ну и что?

Федор Васильевич засмеялся.

– Ит, вы после всего, что с вами было, так еще год спать будете, наверное, – предположил он. – И это вполне естественно. Любой на вашем месте...

– Ерунда, – махнул рукой Ит. – На отработках мы порой по полгода нормально не спали, и ничего.

– Ит, отработка и это вот все – две большие разницы, – возразил Скрипач, вставая. Ит поднялся следом за ним. – Пойдем мы, Федор Васильевич. Хоть по городу прогуляемся, что ли. В ломбард, опять же, надо заглянуть, хотел кое-что заложить. Деньги есть, времени навалом, а выспаться этот вот, – беззлобный тычок Иту под ребра, – и ночью запросто успеет.

– Ну, тогда до завтра, – улыбнулся Федор Васильевич. –

Надеюсь, у вас все будет хорошо.

Когда за ними закрылась дверь, Федор Васильевич тут же утратил веселость. Подошел к книжным полкам, закрывавшим большую часть глухой стены кабинета. Пробежался пальцем по корешкам, вытащил какой-то том, несколько минут сосредоточенно его листал, потом закрыл, сунул обратно на полку. Вытащил следующий, открыл на оглавлении, закрыл. Сел обратно за стол, нажал кнопку селектора и произнес:

– Данила, сходи в библиотеку, дружок. Выпиши названия, мне много нужно... ага, ага. Да, душа моя, спасибо. Запиши тогда на себя, хорошо? Вот и славно. Как принесешь, зайди ко мне вместе с книжечками. Надо нам с тобой будет кое-что проверить.

Он отжал кнопку, подпер подбородок рукой и задумался.

* * *

– ...рамолицзионная киста. Вы были совершенно правы, Скрипач. Это действительно последствие аксонального повреждения.

– Как такое могло произойти? – Скрипач сидел напротив Федора Васильевича, на его лице появились озабоченность и тревога.

– К сожалению, запросто. Он получил очень серьезную травму головы, и помощь ему вовремя не оказали. Да даже

если бы и оказали, киста все равно вполне могла возникнуть. Хуже другое – удалить ее мы не можем. Это слишком опасно.

Скрипач потер висок.

– Насколько опасно? – спросил он.

– Киста расположена в нижнем отделе мозга, отвечающем за дыхание...

– И?

– И если мы что-то сделаем не так, он просто перестанет дышать, и никто его не спасет. Скрипач, простите, но мы за такое не возьмемся. – Федор Васильевич опустил глаза. – Да никто в мире не возьмется, ни за какие деньги.

– И что будет дальше? – Голос Скрипача вдруг неувовимо изменился, в нем появилась требовательная жесткая нотка.

– Дальше... если киста не станет увеличиваться, то все так и останется – приступы, когда она будет сдавливать сосуды и нервные окончания, вызывая мышечный спазм и спазм дыхательного центра, и которые будут проходить сами рано или поздно...

– А если она увеличится?

– Скрипач, вы сами знаете ответ, и я бы попросил вас не заставлять меня произносить его вслух, – нахмурился Федор Васильевич.

– Хорошо. Что-то, кроме операции, можно сделать?

– Только поддерживающая терапия, – развел руками Федор Васильевич. – Я бы даже не рискнул давать препараты, влияющие на мозговое кровообращение, чтобы не спрово-

цировать процесс. А у вас дома что-то возможно сделать, как вы считаете?

– Думаю, что возможно. – Скрипач на секунду прикрыл глаза ладонью. – Уверен. Ну что ж... значит, нам надо искать дорогу домой, – подытожил он, вставая.

– Скажите, а вы намерены... ну... как-то поставить его в известность?

– Да, конечно. У нас врать друг другу не принято. – Скрипач покачал головой. – Ладно, постараемся справиться. Кстати, а может, ему спать повыше? Я обратил внимание, что с двумя подушками он спит вполне нормально.

– Разумеется. Спать повыше, не нервничать по возможности – видимо, на поведение кисты влияет кровообращение. Вообще он вполне может компенсироваться, такие случаи известны. Думаю, нам лучше будет все-таки вместе ему про это сказать. Вдвоем проще, согласитесь.

– Давайте вместе, вопросов нет. В общем, если киста не будет расти, мы говорим сейчас только о небольшом ухудшении качества жизни и ограничениях в пределах разумного, – заключил Скрипач. – Что ж, это ничего. Я думаю, мы справимся. Как вы считаете, идти в Америку ему можно или нельзя?

– Судя по тому, в каком состоянии он вернулся из Турции, идти ему не только можно, но и нужно, – улыбнулся Федор Васильевич. – Но только при условии, что вы будете следить за ним, конечно. Скрипач, я на всякий случай рас-

поряжусь, чтобы вам дали кое-какие лекарства. Пусть будут. Очень надеюсь, что они вам не пригодятся... ну, кроме витаминов. Витамины принимать обязательно, полностью исключить алкоголь в любом виде, и следите, чтобы нормально ел и спал. Поосторожнее с нагрузками.

– В караване с нагрузками поосторожнее не получится. Нагрузки там для всех одинаковые. Хотя он же справлялся и, замечу, нагрузки ни разу приступы не провоцировали. – Скрипач задумался. – Но я все-таки не понимаю, почему вы раньше не заметили, что проблема существует? По-моему, она настолько очевидна, что...

– Почему не заметили? – Федор Васильевич включил сектор и приказал: – Данил, принеси карту и дело Ита, пожалуйста. И сгоняй в столовую, притащи нам компота, что ли. Жарища такая...

Через несколько минут в кабинет Федора Васильевича вошел секретарь Данил, высокий белобрысый парнишка лет двадцати. Положил на стол перед шефом две пухлые папки, стянутые шпагатом, поставил на маленький столик около двери эмалированный чайник и два мутных стакана.

– Благодарю, дорогой, – улыбнулся Федор Васильевич. – Знаешь, давай-ка я тебя сегодня отпущу пораньше. Боюсь, мы тут надолго задержимся, чего тебе нас ждать?

Данил просиял.

– Спасибо, Федор Васильич! – обрадованно ответил он. – Три дня за керосином успеть не получается, приходится хле-

бом с огурцами ужинать.

– Иди, иди, – подбодрил его шеф. – Все, до завтра... Вот, кстати, судьба. Мальчишка из детдома, мать пила, когда ему было шесть, утонула в канале. А парень – умница, кончил восьмилетку, подался в техникум, сейчас на вечернем учится, уже в институте, ну и работает. Потенциал хороший, голова просто отличная. Доучится, возьму к себе...

– К чему вы это говорите? – не понял Скрипач.

– А к тому, что «Лазурь», она не всегда во вред, – пояснил Федор Васильевич. – Не будь у Данилы некоторых склонностей, не добрался бы он до нашего института. Скорее всего спился бы, как его матушка.

– Давайте не будем заостряться на этой теме, – попросил Скрипач.

– Да ни боже мой! – замахал руками Федор Васильевич. – Я только к тому, что стесняться не нужно, и если вы живете вместе...

– Так. Стоп. Вы что, всерьез думаете, что мы... – Скрипач кашлянул. – Можно, я внесу ясность? Мы с Итом воспитывались в совершенно другой среде, понимаете? У Ита в молодости был сан, то есть он, по сути дела, священник. В нашем нынешнем окружении моральные нормы отличаются от ваших, но это не делает их менее жесткими. И если мы в силу обстоятельств делим одну кровать, то нам и в голову не приходит нечто подобное тому, о чем вы рассказали. Да, мы действительно спим вместе, но как еще я могу отследить,

все ли у него нормально, если у меня нет ни приборов, ни датчиков, а есть только собственные уши и руки?

– А... извините, пожалуйста. – Федор Васильевич, кажется, даже слегка покраснел. – Мне, видимо, просто показалось...

– Именно что показалось, – подтвердил Скрипач. – Сейчас, кстати, лучше. А первую неделю он, бедняга, все никак не мог поверить, что весь этот ужас закончился. У меня в результате вся спина была в синяках – он во сне все время пытался в меня покрепче вцепиться. Николай оценил тогда... – Скрипач засмеялся. – Втроем ему руки разжать не могли.

– Да, он говорил, – покивал Федор Васильевич. – А с виду и не скажешь.

– Нам так положено, – пояснил Скрипач. – Сами подумайте. Мускулисту качку замаскироваться значительно сложнее. Но при всем том... дайте, пожалуйста, монетку.

Шеф лаборатории контактов порылся в коробочке на письменном столе, выудил пяточок и протянул Скрипачу. Тот для начала скатал монетку в аккуратную трубочку (Федор Васильевич присвистнул), потом раскатал обратно (у Федора Васильевича округлились глаза), а потом сложил монетку вчетверо.

– Ничего себе, – потрясенно протянул Федор Васильевич. – И вы хотите сказать?..

– Да, Ит даже сейчас запросто проделает то же самое, – подтвердил Скрипач. – Это так, ерунда. Баловство.

Он снова разогнул монетку, а затем смял ее пальцами, как конфетный фантик, и галантно протянул Федору Васильевичу.

– Можете себе представить, какая у меня была спина? – спросил он. – Но мы отвлеклись. О чем вы хотели рассказать? – Скрипач кивнул на принесенные папки. Федор Васильевич отвлекся от созерцания смятой монетки, положил ее перед собой на стол, взял одну из папок и развязал шпагат.

– Да, действительно... Почему мы пропустили проблему. Смотрите, Скрипач. Вот это мы привезли из Домодедова. Вы только не пугайтесь, хорошо?

В папке оказалась огромная пачка эпикризов и куча снимков. Увидев первый, Скрипач поневоле вздрогнул, но тут же опомнился.

– Еле довели тогда, – пояснил Федор Васильевич. – Это мы снимали в первые сутки. Признаться, думали, что умрет. Ездили за ним ребята вчетвером. Данил, Паша, Валерка, ну и Саша Конаш, это наш зам. начальника отдела комиссий. Вы потом ему обязательно проставьтесь, без него ничего бы не получилось. Он, собственно, Ита и обнаружил... да потом еще и на своем катере помог довести, у нас с транспортом вечные проблемы. Они за три часа полкоробки камфары извели – сердце останавливалось, он уже не справлялся, несмотря ни на выносливость, ни на то, что к дороге его худо-бедно как-то пытались подготовить.

Скрипач неподвижно смотрел на снимок, глаза его нехо-

рошо сузились. Фотография лежала перед ним на столе, но он в тот момент видел нечто гораздо большее – что, было ведомо лишь ему одному.

– На тот момент он весил двадцать семь килограммов, очень плохо дышал, да еще началась интоксикация из-за пролежней. Всю первую неделю мы боролись только за то, чтобы возобновить работу сердца, почек и восстановить дыхание. А весь первый месяц ушел на то, чтобы как-то стабилизировать общую картину. Как вы считаете, нам в это время было до мелочей?

Скрипач кивнул, соглашаясь. Отодвинул фотографию в сторону, взял следующую.

– Ну, тут уже получше – это через полтора месяца после того, как он здесь оказался. Снимок сделан накануне операции, пролежни мы в результате иссекли, и, знаете, это дало очень быстрый положительный эффект. Если до этого он в весе прибавлял мало, несмотря на то, что кормили по шесть раз в день, то после операции пошло резкое улучшение. Вот эта фотография сделана еще через месяц. Тут он, пожалуй, уже даже на себя похож, правда?

Скрипач снова кивнул.

– На этом этапе мы, собственно, и начали потихоньку разбираться с травмой мозга. Больше всего боялись, что все усилия пропадут даром, потому что после таких повреждений в большей части случаев восстановиться в принципе невозможно. Человек по сути дела превращается в овощ. Мы де-

лали, что могли. Все, что могли, что было в наших силах. Ту же активность мозга отслеживали каждую неделю, это есть в карте, можете прочесть. Если надо, могу поднять все рентгены, которые сделаны, проекции, динамику и...

– Не надо, – попросил Скрипач. – Я вам верю, Федор Васильевич. Действительно, не надо. В этом нет необходимости. Я все понял.

– Раз уж я начал, то все-таки доскажу. Полгода большая часть сотрудников моей лаборатории занималась только им. Мы угрохали на лечение треть субсидий, которые выделяются лаборатории ежегодно, больше нам не позволили. Ребята даже покупали лекарства на свои деньги, потому что достать, к примеру, ту же кокарбоксилазу можно только за наличные и по блату. Народ дошел до того, что, когда какой-то рефлекс восстанавливался, чуть ли не праздник устраивали...

Скрипач выудил еще один снимок. Несколько секунд смотрел, затем зажмурился, потряс головой.

– Вы не поверите, но вот это все – целиком и полностью моя вина. Это произошло только потому, что я имел глупость сказать ему одну фразу. Одну. И этого хватило... для вот этого. Мне до сих пор иногда хочется пойти и утопиться, – признался он. – Или удавиться. Какая же я гадина...

– Ну полно вам на себя наговаривать, – успокаивающе ответил Федор Васильевич. – Многие ошибаются. Вы не исключение. Главное, что обошлось.

– А киста? – с горечью возразил Скрипач. Отложил фо-

тографию, опустил голову на руки. — Черт... мне язык надо вырвать за это!..

— Не загоняйтесь, — попросил Федор Васильевич. — Ну, киста. Но он с ней уже довольно долго живет, судя по всему, и до сих пор не умер — а состояние стало улучшаться лишь совсем недавно, только после вашего перемирия. Мне кажется, все обойдется.

— Дай бог, — пробормотал Скрипач. — Федор Васильевич, вы говорили про деньги. У меня будет просьба к вам... не откажите в любезности, позвольте мне помочь лаборатории.

— Простите? — не понял тот.

— Я не стеснен в средствах, а вам требуются деньги на исследования.

— В смысле? — окончательно опешил Федор Васильевич. — Но зарплата шофера не сможет вам позволить...

— При чем тут зарплата? Я знал, куда иду, и позаботился о том, чтобы иметь, в случае необходимости, возможность... — Скрипач замялся, полез в карман, а затем вытащил оттуда спичечную коробочку, в которой что-то перекачивалось. — Тут — пять изумрудов, от шести до пятнадцати карат. Я могу отдать их вам сейчас, а могу продать и отдать деньги. Подождите, не оскорбляйтесь и не возражайте. Федор Васильевич, я знаю, что вы сейчас можете сказать, но дела у лаборатории явно не блестящи, судя по тому, что сотрудники ужинают бесплатным хлебом с огурцами.

Федор Васильевич молча смотрел на коробочку в ладони

Скрипача. Он явно растерялся.

– Ну, вообще-то я сам помогаю ребятам, если на то пошло, – произнес он неохотно. – Но... знаете, я, с вашего позволения, подумаю несколько дней, тем более что вы все равно меня еще неоднократно навестите. Деньги лаборатории и в самом деле нужны, но может сложиться неправильное впечатление, что я...

– Тогда можно сделать иначе, – предложил Скрипач. – Я продам камни и закуплю для вас оборудование. Не волнуйтесь, мне продадут. Оборудование и по хорошему подарку каждому сотруднику. Подарок и премия. Такой вариант вас устроит?

– Пожалуй, да. Но все-таки мы с вами это еще раз обсудим.

– Вот и ладно, – улыбнулся Скрипач. – На самом деле я просто очень благодарен вам за Ита.

– Это я уже понял.

– И еще один момент. Я завтра собираюсь прокатиться в Домодедово. Не хотите составить мне компанию?

– Думаю, разумнее всего будет прокатиться втроем. Заодно поставим Ита в известность... о проблеме, – предложил Федор Васильевич.

– Тогда уж вчетвером, возьмите Данила, – подсказал Скрипач. – Думаю, ему понравится... ладно, это завтра. Так, я побежал, мне еще в три места надо успеть, а этот идиот сейчас сидит в столовой и небось уже гадает, куда это я за-

пропастился.

* * *

– Федор Васильевич, вы что-то хотели мне сказать?

Катер стоял возле малых шлюзов, ожидая своей очереди на проход. Рядом покачивались на воде с десятков других катеров, поплоче и попроще. Франтоватый новехонький немец, «Ватерфорд» предпоследней модели, сверкающий лаковыми наборными бортами, поневоле приковывал взгляды – Данил, которому рыжий разрешил «порулить», поначалу смущался и опускал глаза, но сейчас уже освоился. Он невозмутимо смотрел вперед, ждал, когда наконец откроются железные ворота шлюза и можно будет дать по газам, оставив далеко позади ржавые корыта, которые шлюзовались вместе с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.